

Татьяна
Соломатина

Акушер-ХА!

вторая

(и последняя)

Татьяна Соломатина

Акушер-ХА! Вторая (и последняя)

«Автор»

2010

Соломатина Т. Ю.

Акушер-ХА! Вторая (и последняя) / Т. Ю. Соломатина —
«Автор», 2010

От автора: После успеха первой «Акушер-ХА!» было вполне ожидаемо, что я напишу вторую. А я не люблю не оправдывать ожидания. Книга перед вами. Сперва я, как прозаик, создавший несколько востребованных читателями романов, сомневалась: «Разве нужны они, эти байки, способные развеселить тех, кто смеётся над поскользнувшимися на банановой кожуре и плачет лишь над собственными ушибами? А стоит ли портить свой имидж, вновь и вновь пытаясь в популярной и даже забавной форме преподнести азы элементарных знаний, отличающих женщину от самки млекопитающего? Надо ли шутить на всё ещё заведомо табуированные нашим, чего греха таить, ханжеским восприятием темы?» Потом же, когда количество писем с благодарностями превысило все ожидаемые мною масштабы, я поняла: нужны, стоит, надо. Если и вторая моя книга заставит хоть одну девчущку носить тёплые брюки зимой, женщину – предохраняться, а беременную – серьезнее относиться к собственному здоровью и жизни своего ребёнка – я не зря копчу это общее для нас с вами небо. Но это по-прежнему всего лишь художественная проза, и она не заменит вам собственную голову и хорошего врача.

© Соломатина Т. Ю., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Анамнез книги «Акушер-ХА!»	5
Вместо пролога	7
Акушер-ха! Вторая (и последняя)	14
Школьные годы чудесные	14
«Уйня!»	16
Жаркое лето 1988-го	18
Подвальный	31
Сказка о нелёгком докторском быте и особенно об отъявленных лентяях, имеющих в каждой профессии	34
Национальные особенности заживления	37
Об урологии, о жизни и о любви	40
История о надувательстве	44
Про болт	49
Про сиськи	51
Укрепление целомудрия	53
Хулиганы	55
Больше никогда!	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Соломатина

Акушер-Ха! Вторая (и последняя)

Анамнез книги «Акушер-ХА!»

Не скажу, что я была удивлена успеху первой «Акушер-ХА!». Напротив, я его ожидала. Во-первых, потому что на книжном рынке откровенно мало подобного рода литературы, если не сказать, нет совсем! Отсутствует. «Код судьбы твоего ребёнка» и «Пятнадцать молитв на зачатие и лёгкие роды» – сколько угодно. Псевдонаучной и невнятно-популярной продукции – налетай, не скупись. Рекламных проспектов о родах на Гоа и влагалищных практиках на Бали – тьмы-тьмушие, изданы на бумаге прекрасного качества (на деньги тех, кто туда уже прокатился, чтобы родить так же, как в Кукуевской ЦРБ, но зато под запах сандаловых палочек). А художественной, но достоверно реалистичной литературы «про это» – нет. Вменяемой понятной публицистики – мало. Так что моя первая книга была востребована. Как по содержанию, так и по форме. Любой нормальный издатель сопротивлялся бы концентрированному смешению необычных рассказов, своеобразных баек, обучающих фельетонов на грани цинизма и какой-то уж и вовсе сентиментальной повести со стихами, в интерьере родзала и операционной. Но мне повезло с издателем, он не особо совал свой нос в происходящее, спасибо ему. Во-первых, потому что я гордячка. В этом месте вам полагается улыбнуться, потому что это шутка. Ну, почти шутка.

Во-вторых, потому что была уверена на все сто – книга заинтересует, как минимум, половину русскоговорящего человечества. А именно... Не догадались? Ну, конечно же, женщин. Кто-то там уже был. Другие – собираются. Мало того, я была убеждена, что и мужчины захотят краешком глаза заглянуть в то «страшное», что происходит с их любимыми там, в бряцающих металлом «застенках».

Но это так. Имя-фамилия-номер паспорта. Титульный лист. А вот теперь, собственно:

Анамнез жизни: Осенью 2008 года Татьяна Юрьевна Соломатина рулила по Минскому шоссе, возвращаясь из города домой. От участия в дорожном движении её отвлек звонок мобильного телефона, и она ответила, предварительно съехав на обочину и включив аварийку (нас могут читать инспекторы ГИБДД). Звонившая представилась редактором издательства «Яуза» и пригласила Т.Ю. Соломатину на встречу с владельцем. Т.Ю. Соломатина, отлично известная родным, близким и друзьям своей ненормальной страстью ко всему неизведанному, нездоровым авантюризмом и совершенно уж болезненной страстью к бумагомаранию, на встречу, естественно, согласилась. Договор был подписан. Аванс получен. Рукопись готова точно в срок, что и характерно для Т.Ю. Соломатиной. Увы, порядочного автора, всегда задерживающего сдачу работы, из неё не вышло. А далее начался...

Анамнез болезни: Переданная в производство рукопись «Акушер-ХА!» была отправлена издательством «Яуза» на рецензию в издательство «ЭКСМО»...

Если вас мытарили по поликлиникам и больницам, перекидывая от одного врача к другому; если вам попадались, как на подбор, плохие безответственные лекари, отфутболивающие вас из лаборатории к рентгенологу, а оттуда – снова в лабораторию; если вам в результате ваших многотрудных и энергоёмких странствий ставили диагноз, диаметрально противоположный той патологии, что имеется конкретно у вас, то вы можете понять чувства и эмоции моей рукописи. *«Эту гадость нельзя издавать! Автор бездарь!»* – истерично кривили носики смольные институтки. *«Это можно издать небольшим тиражом, потому что это будет*

интересно очень узкому кругу. Скорее только врачам», – кидали свои «аналитические» прогнозы маркетологи. (Аналитики – они же как синоптики. Ошибаются один раз. Зато каждый день.)

Кому только ни приписывалась моя бедняжка-рукопись. И «акушерке с Пересыпи» (?), и «врачу акушеру-гинекологу из Питера» (??). А однажды, странствуя электронными лабиринтами внутрикорпоративных переписок-отписок, она попала (внимание тем, кто считает моё упорство за удачу!) – к редактору-рожданопоклоннице (без комментариев – мои читатели люди сообразительные). В результате всех этих долгих и нудных передвижений, моя бедолага-рукопись была признана сотрудниками издательства «ЭКМО» «неоперабельной» (они – сотрудники – просто-напросто ни разу не проконсультировали её у «главврача» – это случилось позже, уже в виде книги. Жаль, что в издательском бизнесе не принято устраивать настоящие клинические разборы и лишать категорий) и возвращена в издательство «Яуза» с «диагнозом»: «Хотите – печатайте. Нам оно не надо». Но Павел Быстров в лучших традициях великого русского клинициста Захарьина «безнадёжную» рукопись Т.Ю. Соломатиной не отправил в хоспис (да и аванс надо было окупать), а издал тиражом в скромные пять тысяч экземпляров. *(Паша, даже не думай убирать это из вёрстки! Не увижу в книге – разведусь! Да-да, и эти предложения тоже... Пусть читатели думают, что мы женаты, так им проще будет понять и принять мой успех. Алина, прости, пожалуйста, но в версию про талант и трудолюбие не все верят.)*

И вот, наконец, 31 июля 2009 года многострадальная истрёпанная рукопись (с редактором, правившим мой текст, к слову, повезло) превратилась в молоденькую крепкую книжку в переплёте и была выведена в свет. Сперва никто не хотел приглашать её даже на тур кадрили – фамилия «бесприданницы» неизвестна, – так что бальная книжечка поначалу была пуста. Но симпатичные кавалеры из книгопродавцев на свой страх и риск сделали с никому не известной книжицей пару пробных па и... Вскоре за первым тиражом был второй. Немедленно за вторым вышедший третий был раскуплен в один день. (Надеюсь, аналитиков и редакторов лишили хотя бы корпоративного кофю и доступа в Живой Журнал на пару недель?) И к настоящему моменту «Акушер-ХА!» значительно упрочила своё состояние на книжном рынке. Она не только практически здорова, но и далее собирается становиться всё здоровее и здоровее, радуя автора и собственника «Яузы».

Затем была «Большая собака». И «Кафедра А&Г». И роман «Психоз», выходявшие уже в авторско-издательском триумвирате: «Соломатина-ЭКМО-Яуза». Т.Ю. Соломатина и её книги обзаводились друзьями и недругами, обрастали сплетнями, змеиным перешёптыванием, бабскими скандалами и пацанскими разборками на стульях и стопках до – «кто первый упадёт», а книга «Акушер-ХА!» тем временем жила самостоятельной, независимой от её «родителей» жизнью. И явно требовала продолжения.

Так что в результате всего вышеизложенного, а также последующих клинико-лабораторных, инструментальных, литературных, критических, аналитических и маркетинговых исследований и – главное! – огромного читательского, ни от кого не зависящего интереса все диагнозы сняты. И автор Т.Ю. Соломатина с оказанием адекватного издательского пособия в срок и без анамнестических осложнений с удовольствием разродилась рукописью второй «Акушер-ХА!»...

Вместо пролога

Объяснительная записка. Персональное

Объясню, почему «Акушер-ХА!» Потому что несмотря на успех первой книги, многие так и не поняли, что за название такое, и продолжают с маниакальным упорством называть книгу «Акушерка!», а Татьяну Соломатину – кто во что горазд. Например, питерская журналистка так и написала в родимой газете: *«Татьяна Соломатина – известный писатель, в прошлом – акушерка, кандидат медицинских наук»*. В пресс-релизах выдавали перлы и похлеще: *«Татьяна Соломатина прошла путь от врача акушера-гинеколога до кандидата медицинских наук»*. (От кактуса до суккулента, ага.) Если уж журналисты не могут отличить акушерку от акушера и не знают, что кандидаты медицинских наук врачами быть не перестают, то что уж говорить, например, о машинисте электропоезда. По сведениям из надёжных источников: в читателях «Акушер-ХА!» был замечен представитель даже такой профессии. Не волнуйтесь, он читал её не на работе. На работе читала его жена – первая акушерка родильного зала. Причём вслух всей смене. Если, конечно, в родзале спокойно было. А потом его ко мне в один из книжных магазинов на автограф-сессии прислала с целой стопкой. «Для Кати», «Для Веры Михайловны» и «Для начмеда». Так что источник, как видите, действительно надёжный – из первых рук.

– И как вам? – спросила я этого замечательного, спокойного, крепкого дядьку.

– Отлично! – зычно гаркнул он на весь магазин безо всякого микрофона. – Я, знаете, Татьяньюрна, даже жену свою страшно зауважал. Как-то по-новому на неё смотреть стал. Так-то, раньше, я ей – подай-принеси, баба ты или кто? Она мне, мол, отстань, я на работе устала. А я что? Меньше устал? А прочёл – и понял: она же у меня герой. Это же сколько нервотрёпки у вас там! Не говоря уже о профессиональных вредностях. – Тут он хихикнул, и добавил:

– Она вашу «Рыбу» даже гостям вслух читала. Кхм... И бессонные ночи. И ответственность какая. И что в ответ? Бабы вечно недовольны. А дома ещё муж горячего борща требует.

– Ну, ваша работа не менее ответственная! – совершенно искренне сказала ему я.

– Это правда, – он посерьёзнул. – В общем, спасибо вам от жены, она сегодня дежурит, вот меня прислала... И от меня. Я не только на женину работу по-другому посмотрел, но и на неё саму. Ну, как на женщину, понимаете? – Я добросовестно кивнула. – Это же сколько вам терпеть приходится, чтобы потом взрослый оболтус мать с работы привезти не мог, потому что у него, видите ли, гулянка. Ну да ладно... Это я о своём. У других, может, попримечнее... А мне очень истории про автослесаря, про водилу и про тех кумов с топором понравились. У меня вот в армии случай был...

Тут машиниста модератор встречи прервала. А жаль. Может, его армейская история заслуживала быть изложенной на бумаге. Но я далеко уже уехала от темы моего предисловия. О чём я? Ах, да...

Так вот, журналисты отличить акушерку от акушера не смогли, а машинист электропоезда смог. Первая не смогла, потому что профессионализма не хватило. Второй смог, потому что жена – акушерка.

Вам же, дамы и господа (скорее, конечно же, дамы), и вовсе бывает трудно отличить акушерку от акушера. Особенно если вы поступаете с улицы со схватками в первое попавшееся по дороге родовспомогательное заведение в ночь-полночь. Стоите вы на крыльчке, больно вам и страшно, и давите вы на кнопку звонка, вкладывая в это простенькое действие весь свой первобытный ужас от встречи с неизведанным. И вот, наконец, двери отворяются, и оттуда

является неземной красоты мужчина в зелёной пижаме, белом халате (и синем халате поверх белого), в белых тапках в мелкую дырочку на босу ногу. Вы к нему, как к родному, мол, что за, вашу маму, чего так долго, мы тут рождем! А он хмурый такой – раз – и обратно ушёл, ни слова не сказав. Не волнуйтесь. Сейчас вернётся. Это анестезиолог вышел на свежий ночной воздух покурить. Но не успел – на вас нарвался. Обратно ушёл не просто так, а санитарку и акушерку приёмного будить. Потому что их сон за годы и годы медитаций настолько крепок и нечуток к звонкам, что вы не виноваты – у вас пока опыта маловато. Надо было в дверь кулаками колотить! Шучу я, шучу...

На самом деле, как только вы подойдёте к дверям приёмного, к вам навстречу выпорхнет изящная фея в белоснежном халате и, ласково защебетав всякие милые приятности, пригласит вас пройти, прилечь и окружит всяческой заботой.

Вам версия про хмурого анестезиолога кажется более убедительной? Знаете что? Не капризничайте. В роддом надо вовремя госпитализироваться! Или заранее договариваться.

Я опять растекаюсь мыслию по былому. Простите. Сейчас сосредоточусь.

Открыла вам двери санитарка. И провела вас в неудобное такое помещение. Проходное. Вне зависимости от антуража, интерьер – так себе: металлические шкафы со стеклянными дверцами. Полочки подписаны зловеще. Например: «Ургентная помощь при анафилактическом шоке». На самих полочках иногда царит пугающая прежде всего самих медработников пустота. Ну, положат ампулу гидрокортизона. И?.. И не будем о грустном. В конце концов, я пишу всего лишь художественную прозу для развлечения читающей публики и не ставлю себе цели загнать в окончательную и бесповоротную депрессию и без того не особо обласканных как профильными министерствами, так и пациентами докторов и средних медицинских работников. (Успокоительная мантра для коллег, читающих эти строки: *«У вас тёплые ноги, горячее сердце, холодная голова, и по вашим кожным покровам почти нормального окраса не струится липкий пот! Вы – Солнце! Вы – большое красивое Солнце! Вы умеете снимать отёк Квинке наложением энергетических потоков на бюджетные пробоины! Вы способны останавливать кровотечение силой логоса животворящего!»*)

Так, что там ещё, кроме пустых металлических шкафов? Ещё полупустая тумбочка. В ней – тазомер, стетоскоп, портновский сантиметр. Не в ней – умывальник. Кушетка. И стол. В столе – ручка, бланки историй родов, пара листочков бумаги формата А4. Папки с важными телефонными номерами и списком резервных доноров. И журнал поступлений в приёмный покой. Ещё, например, конфетка. Или печенье. Хотя санэпидрежимом запрещено. Да-да, им, работникам родовспомогательных учреждений и всяческих больниц, запрещено куда больше, чем вам – пациентам. И они тоже нарушают. Ничто человеческое им не чуждо. Даже кусок торта с чаем.

На столе – телефон и стекло. Под стеклом – календари, рекламные проспекты, оставшиеся после последнего посещения очередного фармпредставителя, схемы и некоторая милая чепуха в виде открытки с котиком. Если, конечно, начмед и главврач не совсем уж «вырви глаз».

За столом – девушка. Как правило – юная. Потому что свой крестный путь на вершины мастерства родовспоможения порядочная акушерка начинает с приёмного покоя. (А любой порядочный акушер – с дежурств по нему же. Чаще всего в ночные, праздничные и прочие неурочные часы эту функцию выполняет первый дежурный врач. А в последнее время в связи с сокращением ставок – и в дневные он же. Или тот, кто не занят.)

И вот стоите вы в этом неудобном помещении. Санитарка неласково командует вами. Эта, что за столом, смотрит на вас сонно и недовольно. Мимо опять прорысачил тот безумно красивый анестезиолог – как раз в тот момент, когда вы снимали колготы с поехавшей стрелкой, сидя на дурацкой кушетке! – пробежал и даже не глянул, обдав табачищем! На эту, за столом, глянул, подлец. И даже что-то пошутил. И она, подлюка, сразу из сонной стала игривой

и кокетливой. А как только этот, в белых тапках в мелкую дырочку, унёсся, снова-здорово скрипучим противным голосом: «Раздевайтесь! Ложитесь на кушетку! Где ваш паспорт?! Где обменная карта?!» И давай вопросы задавать про фамилию-имя-отчество, про чем болела, про сколько аборт и родов, про половую жизнь и печень, как будто ей всё это в обменной карте не написано! Потом, наконец, зад от стула оторвала и давай вас обмерять противным холодным сантиметром, приставлять вам к животу трубку и давить, как будто вы апельсин, а она – соковыжималка. И дурацкий циркуль свой приставлять. А вам тут ещё ворочайся. А у вас – схватки. Ну, или похожее на схватки. Или просто плохое настроение.

И пишет себе так спокойненько, и меряет размеренно... Вы рожаете!!! А она еле шевелится!

Наконец всё записала. Двести раз переспросила возраст и фамилию. Подняла телефонную трубку и проговорила туда что-то невнятное. На манер:

– Бубубубовна (Бубубович), в приёмное поступают роды. Спуститесь (подойдите).

И вот мало того, что там вы, санитарка и акушерка (та, что за столом, меряет и спрашивает), в приёмный покой спустя вечность – секунд через шестьсот (так дольше выглядит, не правда ли?) – является зевающее нечто. Длинное, тощее и лохматое. Или короткое, толстое и лысое. Или... В общем, вот оно и есть дежурный врач. Вот оно и есть акушер. Акушер-гинеколог. Человек, шесть лет учившийся в медицинском институте (университете, академии), ещё пару-тройку-десятку – в интернатуре, клинординатуре, спецклинординатуре, магистратуре, аспирантуре и проч., и проч., и проч. Вот оно-то и гоняет регулярно на курсы повышения квалификации. Вот его-то и гоняют чаще частого в растрёпанный хвост или лысую гриву за всё про всё и, как правило, по делу. Ну, и чтобы оно не расслаблялось.

И что делает это оно, вместо того чтобы немедленно начать оказывать вам помощь? Правильно. Начинает вас иезуитски опрашивать. Садистски обмеривать. Как будто вы только что всё это не рассказали акушерке приёмного покоя, и как будто за те десять минут, что оно сюда плелось, у вас изменились размеры таза или высота стояния дна матки! А потом – о ужас! – волочёт вас на кресло, где, быть может, бог знает кто до вас лежал, и засовывает вам свою огромную руку прямо *туда*, как будто и без этого неясно, что вы рождаете! И потом ещё задумчиво смотрит на свою перчатку. Нюхает и чуть ли ни на язык пробует, фи! Извращенец. А эта, из-за стола, услужливо подсовывает ему какие-то осколки стёклышек, чтобы оно об них пальцы вытерло. Потом – чвак-чвак! – перчатки в таз и глубокомысленно выдаёт:

– Переводите в родзал.

И для этого оно столько училось? Вам самой, вашей маме, вашему мужу, вашей многочисленной родне и даже соседям и безо всяких бесед, измерений и погружений в ваши недра с последующим сладострастным изучением содержимого и так ясно, что вы рождаете!

Затем грубая бабища-санитарка пытается применить к вам карательные санитарно-гигиенические процедуры. Но вас не проведёшь! Вы очень хорошо подготовлены и прекрасно знаете, что рожать можно без бритвы и клизмы. Поэтому от санитарки вам удаётся отбиться. Дежурный врач – если на него хорошенько надавить децибелами, поугатать инструкциями ВОЗ и разбирательством в суде – разрешает вам взять с собой в родильный зал корыто с резиновыми уточками в натуральную величину, заранее заготовленный экологически чистый сертифицированный стог и надувного мужа, если живой не дееспособен.

Мрачными коридорчиками (*выясните, не ведут ли вас в обсервацию! Давно известно, что в обсервационном родзале обитают стада страшных микробов – см. фильм «Мгла» по Стивену Кингу. Поэтому, даже если у вас показания к обсервации, – ни за что не соглашай-*

тесь. Пусть эти стада обитают ещё и в физиологическом родильно-операционном блоке! Благодаря вам...) вас ведут в родильный зал. Или везут в мрачном грохочущем лифте. Вы – запуганы, унижены, вам страшно. Мимо опять пронесется анестезиолог в тапках на босу ногу. Не правда ли, не так он уже и красив? Тёмные волосы и синие глаза? Да он вампир! Чего это он ночью туда-сюда гоняет?!

И вот, наконец, вас заводят в очередное помещение, наполненное неприятными медикаментозными запахами и металлическими стуками, охами и ахами других мучениц и – снова здорово – очередными незнакомыми людьми в белом. Вы ещё и с предыдущими-то не смирились.

Не всё так плохо, если честно. Когда анестезиолог бежит всего лишь курить, дежурный врач находит время вас собственноручно измерить, а в родильный зал вы добираетесь на своих двоих – поверьте, всё очень даже неплохо. Было бы куда хуже, если бы анестезиолог бежал с чемоданом и анестезисткой, дежурный врач приобрёл панически-бодрый вид, едва приставив к вашему животу стетоскоп и мельком глянув вам между ног, а на место вас доставляли на каталке. Но сколько женщин, столько и историй. Всё индивидуально. Приведенный мною гипотетический сюжет – лишь один из множества и множества возможных. Но он вполне узнаваем, тем не менее.

Вернёмся в родзал, оставив санитарку и акушерку приёмного на положенных им местах.

В родильном зале дежурит, как правило, один доктор – АКУШЕР, две средние медицинские работницы – АКУШЕРКИ. И одна санитарка. Вот эти четверо и будут с вами от и до. Хотя, если что, могут отлучиться. В санкомнату, например. Или ещё раз в приёмное. И ещё раз. И ещё раз. И в ординаторскую. И там запереться с куском торга. Отлучатся и вернуться, не беспокойтесь. Сами не придут – их приведут. И они могут привести кучу народу: например, интернов. Это не страшно. Или ответственного дежурного врача – это чтобы подстраховаться. А вот тот уже – начмед или главного врача. И все они могут быть с вами в родзале. Но лучше, когда те четверо. И даже трое. Если доктор в ординаторской отлёживается или в лаборатории отсиживается – значит, конкретно у вас сейчас всё путём.

Частенько беременные и роженицы, будучи в состоянии лёгкой или среднетяжёлой – кому как – нервической прострации, не понимают, кто тут кому кто, что и зачем. Скажу вам сразу, чтобы успокоить: они все вам должны! Это правда. Никакой иронии. Если в родзал случайно тёмной-тёмной ночью зайдёт начмед (с которым вы не договаривались «на роды») с целью поймать на горячем не вас, и вы заорёте ему прямо в лицо: «Мне больно! Меня тошнит! Сейчас вырву! И укакаюсь!» – то он обязан сделать ласковое лицо и показать вам, где санкомната. Плох тот начмед, который не знает, где в собственном родзале санкомната. Хуже только тот начмед, чей младший и средний персонал сразу не показал роженице, где санкомната и что делать, если. Но оставим несчастных начмедов, не будем о главных врачах и вернёмся к дежурной смене.

1. ДЕЖУРНЫЙ ВРАЧ. Это необязательно врач, осматривавший вас в приёмном покое. Возможно, он осматривал вас, потому как дежурный врач родзала был занят. Делом. (Анестезиолог, если ваша пространственно-временная ориентация в норме, курить бегал в одиночестве.) И никак от этого дела не мог оторваться. Например, ушивал чью-нибудь, не менее дорогую ей, чем ваша – вам, промежность. Согласитесь, он не мог оставить женщину, размыться, выйти к вам в приёмное, затем вернуться, помыться и продолжить. Представьте себя на её месте. Представили? Простили врача? Уже не будете говорить: «Господи, да сколько же вас тут и почему вы все меня смотрите?!» И не факт, что, начав рожать с одним врачом, вы не продол-

жите это делать с другим и не закончите – с третьим. (Ага, договариваться надо!) Потому что у всех у них разная квалификация, а у вас, тьфу-тьфу-тьфу, роды неосложнённые, в отличие от поступившей после вас с улицы или с *этажа* с куда более urgentными состояниями. Так что пара врачей может смыться в операционную. Но не волнуйтесь, вас не оставят. В конце концов, в каждом родильном доме есть интерны (очень даже может быть, что принимать вас в приёмном покое приходил именно интерн). Так вот, врачи врачами, но я бы на вашем месте ставила на акушерку. И сейчас, наконец, я воспою эту прекрасную-прекрасную...

2. ПЕРВУЮ АКУШЕРКУ. Она – первая акушерка родзальной смены – здесь царь и бог. Она тут – от сих и до сих и никуда не уносится. Разве что в санкомнату. Да и то с вами, чтобы вы там ничего чудного с собой не сотворили ненароком. Она знает о родах всё. Первая акушерка родзальной смены может выглядеть по-разному: от уютной дамы возраста мисс Марпл и комплекции борца сумо до гламурной дивы лет тридцати; она может быть похожа на продавщицу овощного магазина, а может – и на консультанта из бутика; у неё может быть неприятный на ваш изысканный слух командный голос, или же она будет, растягивая слова, давать вам указания по-кошачьи гипнотически. Это совершенно не важно. Важно то, что если уж она ПЕРВАЯ АКУШЕРКА родзальной смены, то дело она знает. И руки у неё растут из правильного места. Никогда не ориентируйтесь на возраст. Если ПЕРВАЯ значительно моложе второй акушерки – это значит, что она значительно талантливее и умелее. Выяснили, кто ПЕРВАЯ АКУШЕРКА? Маргарита Степановна вполне может оказаться второй. А вот Света – ПЕРВОЙ. Вам нужна первая. Подружитесь с ней. И следуйте её указаниям. Но если к вам подходит вторая – не волнуйтесь. Она тоже хорошая. И если достаточно молода – непременно дорастёт до первой. Рано или поздно. Если, конечно, не бросит это малоодоходное занятие – медицину – и не отправится торговать косметическими дисками. Зачем она вообще нужна? Эта...

3. ВТОРАЯ АКУШЕРКА. Ну, милая моя, во-первых, вы тут не одна можете оказаться. Бывали (и бывают) случаи, что и третью и четвёртую с этажа звать приходится, и рожать не только на рахмановке, но и на каталке, и на кровати, и даже в ваш таз с патентованными уточками, и в ваш сертифицированный стог. Кто ребёнка будет принимать? Надувной муж? Его, знаете ли, вращать надо уметь в соответствии с биомеханизмом родов. Не мужа, он и так уже на полу валяется сдвинувшийся. Вашего ребёнка. Да и вас контролировать на предмет: «тужься – не тужься, дыши – не дыши; могу – не могу». Это вы в теории так отлично и хорошо подкованы. А как практика начинается – ховайся кто может. Так что вторая акушерка – это ещё одни руки. Хорошие руки. Умеющие и капельницу наладить, и поясницу помассировать, и живот погладить, и лоток вовремя в койку принести. Много чего умеющие. Это вам только родить. А им, акушеркам, с вами родить, а потом ещё инструменты мыть, всяческими бумажными делами заниматься – пишут не только доктора, у средних медработников своей писанины огого! И свои «церберы» в виде старших и главных медсестёр. Так что со второй акушеркой тоже будьте поласковее – и тогда она будет поласковее с вами. И очень даже может быть – пригодится. Как минимум – новорождённого обработать. Вашего. Именно этим занимается вторая акушерка. Неонатолог осматривает, детская медсестра относит в отделение новорождённых, если по каким-то причинам совместное пребывание временно откладывается. А обрабатывает – именно вторая акушерка. Помните об этом. И улыбайтесь ей, улыбайтесь! Всем улыбайтесь. И не ленитесь сказать «спасибо!», даже этой, которая «злая – не дозовёшься!». Она не злая – она сосредоточенная. Её не надо «дозывать» – как только она освободится, непременно сама подойдёт. Это же классика, милые дамы. А именно – Сервантес: *«Ничто не дётся нам так дешёво и не ценится так дорого, как вежливость»*. И помните:

4. САНИТАРКА – тоже человек. Хороший, добрый и крайне необходимый в родзале человек. Вот честное слово: не будь санитарок, и акушеры и акушерки давно бы впали в отчаяние при виде того, что творится дома – в родильном доме. И не потому что санитарки отлично знают Великий и Могучий – Бунин бы обзавидовался, а он, как известно, был мастак завернуть что-нибудь эдакое, отчего бы у тургеневской Аси уши в трубочку свернулись бы. А потому что хорошая санитарка – это ничуть не меньшее призвание, талант и трудолюбие, чем акушер и акушерка.

Вот с этими четырьмя: врач-акушер, первая акушерка, вторая акушерка и санитарка – вам и быть вместе ровно до тех пор, пока не родите. И ещё два часа. После чего вас переведут в послеродовое отделение, и вам – снова-здорово – придётся знакомиться с очередным персоналом. Если же все ваши родзальные знакомцы, паче чаяния, заглянут к вам в послеродовое, то, поверьте, это не всегда и не (только) за «благодарностью». Иногда по соображениям профессиональной чести и простых человеческих душевных движений. А уж благодарить их или нет – решайте сами. Лично я благодарна всем акушерам, анестезиологам, урологам, хирургам, терапевтам, кардиологам, педиатрам, невропатологам, фтизиатрам и психиатрам, с которыми меня столкнула моя прошлая профессиональная жизнь. Всем медсёстрам, фельдшерам, санитаркам и особенно АКУШЕРКАМ. И я вас прошу, дорогие журналисты, машинисты, эквилибристы и даже зубные техники: не путайте АКУШЕРА с АКУШЕРКОЙ. Да, конечно, акушерка может быть кандидатом медицинских наук. Но лишь после того как закончит медицинский институт и ещё пару-тройку разнообразных – *тур*. И, значит, станет акушером. И будет оперировать, надувать щёки, знать много мудрёных слов и, скорее всего, начнёт забывать это великое искусство – повивальное. «Простую» бабичью науку. АКУШЕРОВ, дамы и господа, много. А вот АКУШЕРОК толковых всё меньше. Великих же, совмещающих в себе «два в одном» – вне зависимости от пола и «остепенённости», – и вовсе единицы.

Кажется, я ещё больше вас запутала, да? Скажу проще: название «Акушер-ХА!» – это дань. Дань таланту тех акушерок, у которых иным акушерам ещё учиться и учиться. Дань тем врачам акушерам-гинекологам, которым не страшна ни одна клиническая ситуация. Моё маленькое спасибо тем, кто навсегда с нами, нашими матерями, жёнами, дочерьми. С нашими любимыми. Моё крохотное напоминание тем, кто только в начале тяжкого пути, где нет места беспричинной гордыне и незаслуженной важности:

- Ты кто?
- Врач-интерн. Акушер-гинеколог.
- Акушер?.. ХА!

Последнее берём в кавычки и... Теперь понятно?

А вторая (и последняя) она потому, что две акушерки – оптимальное для родильного зала количество. Авралы всё-таки не так часты. А призванные с этажей и приёмного третьи, четвертые и пятые не так уж и опытны. Моего – личного авторского – опыта хватит ровно на две книги «про это». Ровно в двух моих книгах «про это» вам будет действительно весело, действительно грустно. Ровно две моих книги «про это» будут вам действительно полезны. Ровно две моих книги «про это» – это мой опыт, моя дань и моё спасибо. Более в этой теме мне места нет. Потому что единственное, чего следует избегать в любой работе – профанация и потеря квалификации. *Писатель* Соломатина благодарит всех читателей: женщин и мужчин, беременных, рожениц и родильниц, пилотов самолётов и машинистов электропоездов, оценивших её скромный вклад в «производственную медицинскую» тему. Особенно *акуше-*

ров и акушерок – признание коллег было для меня очень важно. Во второй (и последний) раз я пройду вместе с вами лабиринтами своих воспоминаний; растревожу тоску по некоторым людям и дому – родильному дому в составе многопрофильной больницы, – его радостям и горестям, быту, уюту и неприглядности, коллегиальности и скандалёзности; и продемонстрирую тем, кому это необходимо, презентации своего опыта популяризации. И жанр моей второй и последней «Акушер-ХА!» будет таким же, как и жанр самой жизни, где правда и ложь, сплетаясь в тугий морской узел, неотделимы друг от друга, как беременная и её внутриутробное дитя.

Начну, как и положено начинать, с начала начал. Студенчества, интернатуры и больничных подвалов-переходов. А там – как пойдёт.

Акушер-ха! Вторая (и последняя)

Школьные годы чудесные

Зимние госы были жестокими. Государственный экзамен по анатомии – это, доложу я вам, не фунт водки. Логика в этой науке нет, а сулькусов и фораменов в человеческом организме понапахано, что тех кротов в неухоженных газонах. А уж про пирамидальные пути и прочую неврологию, о-о-о! Лучше вам не знать.

В общем, сдать нормальную анатомию сложно.

Анатомия. Анатомия и Нина. И студент по имени Саша.

Нина Николаевна ко временам моего студенчества хоть и была ещё железной леди, но уже достаточно ржавой и... Ну, сопромат он и есть сопромат, против времени не попрёшь. Помню чудный случай. Начало первой пары. Столы-столы-столы анатомки. Цинковые столы анатомки... За теми столами, где не лежат сосудистые или мышечные трупы, сидят студенты. Шумят. Или зубрят. Ждут преподавателей. Зал большой. Видимость отличная. Окна огромные. И тут в отверстые врата анатомического зала входит Нина Николаевна. Раком. Только не пятясь, а головой вперёд. Да так практически в коленно-локтевой и продолжает топтать, сохраняя неизменно презрительное выражение лица хоть и бывшей, но все же первой леди Винничкой, а позже и Одесской областей.

Обычно леди Нина входила, горделиво неся свою голову, увенчанную чёрной бархоткой. Траурный ободок имел свою трагическую предысторию: в возрасте шести лет погиб второй внук, сын младшей дочери Нины Николаевны Козырь, доктора медицинских наук, прежде – заведующей, позже – профессора кафедры нормальной анатомии Одесского медицинского института. Внук погиб, потому как его мамке, которая в отличие от старшей правильной занудной сестры, больше любила пить, чем, собственно, жить, приспичило «по маленькому» во время разудалого пикника на обочине. И вместо того чтобы присесть тут же, в посадке, она решила пойти через дорогу. Через трассу. Она была очень сильно пьяна, и только так можно объяснить её внезапную стыдливость. Ибо в более-менее вменяемом состоянии она отнюдь не отличалась хорошими манерами и могла присесть пописать около облісполкома. В общем, обоих – и маленького мальчика, и молодую женщину – сбил грузовик. Сына-внука насмерть, а младшая дочурка Нины лишилась селезёнки, выздоровела и продолжила пить дальше.

Нина же с тех самых пор носила чёрную бархотку на русой тугой косе.

Это было лирическое отступление-пояснение. Рыданий и осуждений не надо. История былём поросла, ягелем покрылась и снегом припорошена.

Вернёмся в анатомический зал одесского медина, в 1987 год. Бредёт Нина, согнутая под девяносто градусов и хоть бы слово кому. Все приумолкли в почтительном недоумении.

И тут вскакивает с места молоденький ассистент Костя и, схватив из шкафа что-то весо-мое – не то большеберцовую кость, не то... В общем, что-то более-менее тяжёлое, может, муляж таза – не помню... Подскакивает к Нине и шандарахает её с размаху по пояснице. В гробовой тишине.

– Спасибо, Костик!!! – в меру радостно, аристократически благодарно говорит по-крестьянски широкая Нина, выпрямляясь во весь рост.

Помните рассказ Артура нашего Конан Дойля, где один из главных персонажей страдал люмбаго?

Да-да. Про госы, Нину и Сашу.

У Нины, как и у любого нормального преподавателя, были свои любимчики. Я, к примеру. И тот же Саша. Она, разумеется, входила в состав государственной экзаменационной комиссии. И зорко бдила своих любимчиков. Мне попадает билет «про сердце», что-то там из истории нормальной анатомии и смешной вопрос по остеологии. Я благодарю фортуны и сажусь готовиться. С сочувствием глядя, как Санёк уже рвёт волосы на голове. «Что?» – одними губами. «Пирамидальные пути. Поджелудочная. И ангиология», – мрачными глазами.

Конец Саньку.

Он обречённо ковыляет за препаратом. Препараты разложены на цинковом столе. Для немедиков: «препараты» – это печень, селезёнка, то же сердце. И так далее. Вынутые из трупов органы. Отпрепарированные. Выложенные на столе. Бери, готовься, тащи за собой препарат на подносе и отвечай комиссии, где тут что и чего.

В общем, смотрю, Санёк пошёл. Причем даже готовиться не стал, а просто Нина моргнула: «Дуй сюда, придурок!» Он и подул.

И рассказывает ей строение поджелудочной, тыкая в препарат анатомическим пинцетом. Мол, вот тут вот такая долька, а здесь – эдакая. И сосуды называет все по латыни. Уверенно так. Нина кивает одобрительно, мол, точно-точно, именно то самое, именно здесь, цепко реферируя окружающее пространство. И тут к ней подходит ещё один профессор из комиссии, и, явно недоумевая, пялится в препарат на подносе Санька. Нина профессору ласково, шёпотом:

– Славочка, иди на хер.

Святослав Владимирович и пошёл. Санёк быстро договорил и собрался улепётывать. А Нина ему ласково:

– Саша, препарат на место отнеси!

Он вернулся, а она ему прямо в лицо прошипела:

– Да не на стол, идиот, положи, а в ведро с формалином скинь. Ты же, поц эдакий, мне всю поджелудочную на мошонке рассказал! – И препарат переворачивает. А там – фрагмент мужского хозяйства, формалином навеки-вечные дублённый, ага. На шмате кожи. Он на столе препаратов просто наизнанку лежал. Вот Санёк малость и перепутал. Но и дольки и сосуды поджелудочной нашёл, что характерно. А Нина молодец. Хотя, конечно, характер у неё был – только врагу такую родственницу или подругу можно пожелать.

Мы с Саньком по «отлично с отличием» получили. Я то, к слову, таки сердце принесла, а не, например, матку. Хотя по матке сердце ответить можно. На экзамене, разумеется. Только на экзамене.

«Уйня!»

Когда я была совсем юная, а звёзды сияли ярче (потому что на юге всегда звёзды ярче), я училась в медицинском институте. Сейчас мединституты не осталось – одни университеты и академии. А тогда были институты. И был у нас как-то раз (и даже не один) цикл нервных болезней.

И был профессор такой... Ну, обойдёмся на сей раз без фамилий. Не то чтобы светило, но колоритный дядька. Балагур, весельчак, и вообще ему надо было актёром стать. Но, видимо, его еврейская мама в своё время хотела, чтобы он стал врачом. Вот он и стал. Потому что славянская девушка – она завсегда соскочит, на какой станции захочет. А еврейский мальчик – это диагноз. Даже если тебе шестьдесят. Не без случаев чудесных исцелений, конечно, но не о том мой коротенький сказ.

ПНД¹ на улице Свердлова (ныне и совсем прежде – Канатная) особым шиком тогда не отличался. (Как сейчас – не знаю). Шли всё больше на специалистов, а не на антураж и палаты люкс.

И как-то так иногда получалось, что, скажем, профессор кафедры теоретической физики университета и простой настоящий сварщик шестого разряда делили... нет, не ядро... палату. И ещё человека четыре лежало в той же палате, как правило. Из самых разных социальных слоёв. Потому что особых слоёв тогда не было. А только рабочие, крестьяне и жалкая интеллигентская прослойка, непонятно между какими коржами.

И вот в одно прекрасное утро один профессор осматривает другого профессора. Профессор-невролог профессора физики. И вот наш, медицинский, который вообще-то актёр, любил на осмотры ходить со свитой. Каждый день. Хотя по штату ему обход два раза в неделю полагался. Или по необходимости.

Идёт он, значит, со свитой: доценты, старшие ординаторы, клины. Студенты. А главное – студенточки. И получается у него уже не осмотр, а целое театрализованное действие. В результате пациентам становилось хотя бы весело, что тоже важно для выздоровления, согласитесь.

Осматривает невропатолог физика теоретического, а сварщик шестого разряда с койки внимательно слушает. И так тому сварщику профессор медицинский понравился, что он тоже возжаждал персональной консультации. Свобода у нас и равенство или где?! Чем это сварщик хуже теоретического физика, что с тем полчаса, а этому – шиш?! И говорит невропатологу сварщик:

– Профессор, я стесняюсь спросить. Но вы так прекрасно всё рассказываете и показываете, что на меня посмотрите, пожалуйста, и расскажите мне, будьте любезны, чего у меня, вдруг ваши обыкновенные доктора просмотрели. А я вам, если что, тоже помогу, чем смогу. У меня и свой сварочный аппарат есть. Со стройки упёр – всё честь по чести.

А профессору и не жалко. Напротив, только в радость – ещё одна мизансцена в копилку. Подошёл к сварщику. Окинул его эдаким мефистофельским взглядом. Пристально, но бегло. Бровками пошевелил трагически. Рукой картинно махнул.

Сварщик ему:

– Может, раздеться?

Профессор строго:

¹ ПНД – психоневрологический диспансер.

– Не надо! И так ясно! – и, тыкая в пациента холёным подбородком, сказал, обращаясь к свите: – Уйня! Тут нечего и говорить.

И быстро вышел. Все за ним и поскакали.

Через полчаса санитарка забегает в конференц-зал и говорит:

– Сварщик плачет. Домой звонит. Жене говорит, чтоб заначку с книжки снимала, гроб заказывала и белые тапочки готовила. Потому что сам профессор сказал, что у него такая уйня, что нечего и говорить и так ясно, что ему, сварщику, капец.

Тут профессору пришёл капец. От хохота. Потому что у сварщика действительно уйня была. Невралгия лицевого нерва. Видна невооружённым глазом. Нечего и говорить.

Я к чему эту историю рассказала. Не всё то капец, что кажется. Может статья – обычная уйня.

Жаркое лето 1988-го

Это случилось жарким летом 1988 года...

Замечательная фраза. Пойду застрелюсь.

Никуда не уходите! Всё же не каждый день писатели решают свести счёты с жизнью, тем более – публично, прямо на страницах книги. К тому же это – покончить с собой – верный способ войти в историю литературы. Маяковский, Хемингуэй и Соломатина. «Гомер, Мильтон и Паниковский».

Пока я вспоминала код мужниного сейфа, где он хранит свои ТОЗы² (дорогие инспектора и участковые, разрешения и охотничий билет в порядке), мне на голову свалились «Записные книжки» Ильи Ильфа. Не убили – они нетяжёлые. Зато раскрылись на нужной странице:

«Давайте начнём просто и старомодно – «В уездном городе N». В конце концов, неважно, как начать, лишь бы начать».

Теперь историю об охоте на двенадцать стульев знают все. В общем, если уж и самому Ильфу можно, то Соломатиной и вовсе нечего мудрствовать лукаво, изображая из себя Коэльо.

Итак.

Это произошло жарким летом 1988 года в городе Одессе.

Мне было восемнадцать лет, я окончила второй курс медицинского института и устроилась работать медицинской сестрой в санаторий-профилакторий железнодорожников.

Попала я туда совсем не случайно. После первого курса я проходила санитарскую практику на базе Одесской железнодорожной больницы в отделении травматологии, да так и осталась работать санитаркой. Но уже не в отделении, а в оперблоке. Нет, меня не выгнали из института. Просто я была весьма энергична, чрезмерно любознательна, а лишних денег, как известно, не бывает. Я получала пятьдесят пять рублей повышенной стипендии, и девяносто за доблестный труд лишь прибавили мне ощущения собственной значимости и развязали руки в отношении приобретения колгот и помад, столь необходимых любому юному существу женского пола. Мой папа, инженер, получал примерно столько же – те же плюс-минус сто сорок, потому просить у мамы, обеспечивающей семью всем необходимым, включая пропитание, телевизоры, зимние сапоги и билеты на концерты заезжих знаменитостей, у меня язык не поворачивался.

Собственные ежемесячные сто сорок пять рэ так грели мне душу, что я и летом не собиралась покидать свой пост в операционном блоке, хотя, поверьте, мыть летом полы, поверхности операционного стола и инструментальных столиков, а также проводить предстерилизационную очистку инструментов (читай – драить ёршиком в дезрастворах) – мало приятного. Так что выход во внешние миры с набитым биксами мешком на плече и транспортировка на себе этого добра в ЦСО через весь двор казались приятной прогулкой по свежему – относительно операционной – воздуху. Хотя одесский июльский зной мало у кого вызовет ассоциации со свежестью.

И тут вдруг, в канун летней сессии, вызывает меня к себе заведующий отделением и говорит буквально следующее:

– А не хочешь ли отдохнуть от трудов праведных в санатории?

² Тульский оружейный завод.

«Ну, – думаю, – всё, капец, приехали. Поезд дальше не идёт. Заведующему самому, видно, надо бы отдохнуть. Причём не в санатории, а в тихом уютном отделении для тихих уютных душевнобольных. Раз он восемнадцатилетней кобыле предлагает отдых в санатории. По путёвке, что ли? Я же номинально тоже могу пользоваться железнодорожными льготами, раз моя трудовая возлежит в данном подведомственном отделе кадров!»

– Э-э-э... – мнусь я, глядя в его искренние заботливые очи «добрého дядюшки». – Да у нас тут есть кому отдыхать в санаториях, и постарше меня и подостойнее. А я так в отпуск и вовсе не хочу, буду работать всё лето, а потом всю осень, а затем – всю зиму. И... далее по расписанию.

Тут уже заведующий на меня как-то странно стал смотреть. Как будто именно мне надо отдохнуть в тихом и уютном отделении для душевнобольных, а не ему. Внезапно взгляд его прояснился – то есть стал обычным: строгим и даже колючим. Он хлопнул себя по лбу, после чего изрёк:

– Балда! Не в смысле отдохнуть. А поработать летом в санатории, что для тебя после такой работы отдых, само собой разумеется. Это же санаторий. И даже скорее профилакторий. Там нет операционных, из которых надо выносить ампутированные конечности. Там есть что? Бассейн, сауна. Электросон, в конце концов, и прочая подобная ерунда. Кнопку нажал – и знай себе бамбук кури.

– Кнопки на электросне нажимают медсёстры, Валерий Владимирович! – строго сказала я ему, не окончательно разуверившись в том, что он не тронулся. – А я – санитарка. И потом – у нас в отделении есть куда более взрослые медсёстры, мечтающие отдохнуть от тяжёлой работы в отделении. Вот их и отправьте кнопки на электросне тыкать.

– Ты понимаешь, Тань, – подозрительно-прониновенно затянул заведующий, – там надо на две ставки и на весь сезон. А у нас почти все семейные, с детьми... – и печально вздохнул.

А я с детства не могу видеть, как большие и сильные мужчины вздыхают.

– Ладно, – говорю ему психотерапевтическим тоном, – положим, я согласна. Отчего же не согласиться? Профилакторий. Бассейн. Сауна. Лето. Море. Детей у меня нет. Я их, признаться честно, терпеть не могу, детей этих. Век бы глаза не смотрели на этих пищащих, визжащих, орущих, брыкающихся, слюнявых и сопливых детей, так что с этим никаких проблем. Но, во-первых, я закончила только второй курс, а в медицинском училище не училась. А в качестве среднего медицинского персонала разрешают работать при таком раскладе только после третьего курса.

– Мы с главврачом всё решим! Позвоним в деканат и все бумаги утрясём! – радостно заверил заведующий. – Это всё такая ерунда. Неужто ты недостаточно грамотна для того, чтобы хлорку разводить и кнопку на каком-нибудь физиотерапевтическом агрегате нажимать?! А больше там от тебя ничего и не требуется.

– Ну, а во-вторых, две ставки. Это запрещено трудовым законодательством и...

– Распишем на других, а все деньги – тебе. Главный врач санатория совершенно обворожительный дядька, уверяю тебя. И вообще, ты можешь не только работать там, но и жить всё лето, твоя вотчина будет находиться в современном новом корпусе. Море близко, не то что тебе из твоего центра города, и никаких рук, ног и отмывания окровавленных дрелей. Идёт?!

– Идёт! – сказала я. И радостно отправилась в отдел кадров переоформляться.

Затем домой – собрать манатки. Сообщить родителям, что их дочь – герой труда и они имеют возможность заслуженного отдыха от неё. И в санаторий-профилакторий на тихой улице Ёлочная, что затеряна в дебрях прекрасного Большого Фонтана. Обустраиваться.

Ничто не насторожило юную идиотку. Ни бесплатный сыр, ни комфортная мышеловка. Ни одного действительно толкового вопроса не задала она ни заведующему отделением, ни начмеду по хирургии, подмахнувшему заявление о переводе с должности на должность.

Санаторий был прекрасен! Черешневые и абрикосовые сады в антураже недалёкой ахматовской скамейки над самым синем в мире Чёрным морем моим. И кафе-стекляшка из детства – вот она, над обрывом. Детство-детство, ты куда ушло, где свой какой-то там уголок нашло?.. Да вот оно! Стекляшка на Четырнадцатой! (Не путать со стекляшкой на Тринадцатой, потому что там в те далёкие годы дядьки пиво пили.)

Главный врач обворожителен! Какую-то санитарку самолично кофеем напоил! Собственноручно сваренным в страшном шипящем и урчащем турецком кофейном агрегате. Самолично показал корпуса – и лечебные, и административные, и свежоотгроханный физиотерапевтический с бассейном, сауной, кабинетами врачей на втором этаже и кабинетом медсестры на первом, за лестницей, рядом с туалетом. Там тебе и жить. Потому что ты тут теперь медсестра.

– А чего так пустынно-то, Николай Васильевич? – аккуратно поинтересовалась я у главного врача санатория. – Где благодные выздоравливающие и реабилитирующиеся?

Главный врач посмотрел на меня с сочувствием и ответил вопросом на вопрос, как это и положено в Одессе:

– А вы, Танечка, не знаете?

– Не знаю! – всё ещё бодро выпалила я.

– Завтра заезд, деточка, – сказал мне главврач и протяжно вздохнул. Как кит. И даже смахнул набежавшую слезу.

– Вы чего, Николай Васильевич? – растревожилась я. Характеристики, коими снабдили меня сотрудники (в основном – сотрудницы) родимой железнодорожной больницы, грусти-тоски в себя не включали. Напротив: «хапуга!», «циник!», «бабник!», «обжора!», «жизнерадостный кобель!», «любит помоложе!», «Танька, берегись!». Про то, что он способен вздыхать и плакать, ничего не было. – И почему это вдруг завтра заезд? Мы, чай, не пионерлагерь, а самый что ни на есть взрослый такой себе санаторий. И даже профилакторий.

– В том-то и дело, Танечка, – в порыве отчаяния Николай Васильевич прихватил меня своей мощной ручищей за тонкий локоток, – что мы теперь, до самого конца лета, пионерлагерь! Санаторного типа. Завтра у нас с вами сюда состоится заезд детей. Да не каких-нибудь, а из зоны Чернобыльской АЭС.

– Де... де... де...

– А идёмте, Танечка, выпьем по рюмочке коньяка! – предложил Николай Васильевич.

Я согласилась. А что бы вы сделали на моём месте?

В том нежном возрасте, я, заслышав слово «дети», испытывала первобытный экзистенциальный ужас. Как мирный пещерный человек без дубины при встрече с голодным разъярённым саблезубым тигром. К слову, не скажу, что с тех пор что-то для меня сильно изменилось. Услышав, что в компании предполагаются дети, я всегда стараюсь под благовидным предлогом отказаться от похода в кино-ресторан, от гостей, от поездки и так далее. Потому что каждый отдельный ребёнок сам по себе ужасен: он хочет играть, пить, какать, писать, пускать слюни и пузыри, трогать руками тебя и твои любимые джинсы, а уж дети, собранные вместе в количестве больше двух, – ужасны! Ужаснее любого голодного саблезубого тигра. При этом я трепетно люблю детей: здоровых, крепко спящих новорождённых, и тех, что на обложках журналов. Остальных тоже люблю, когда они далеко-далеко от меня. И это сейчас! Сейчас, когда я уже мудра, многоопытна и моей собственной дочери шестнадцать лет.

А тогда...

Тогда мне самой едва минуло восемнадцать... Буквально-то пару дней назад.

А завтра тут будут дети. Много детей. Много-много детей. Несколько отрядов. Самых разнообразных возрастов: от семилеток (буэ!) до самых что ни на есть гормонально-кризовых: четырнадцать-шестнадцать (буэ-буэ!). А также: восьми-, девяти-, десяти-, одиннадцати-, двенадцати-, тринадцатилеток (буэ-буэ-буэ-буэ-буэ-буэ!!!).

– Вы не волнуйтесь, Танечка! – успокаивал не столько меня, сколько себя главный врач санатория-профилактория. – Они, эти дети, будут с воспитателями. Ну, с этими... студентами педагогических институтов. С вожатыми, вот. Хорошие дети. Из Чернобыля. Вот. Большей частью сироты или из неблагополучных семей... – завывал Николай Васильевич, прихлёбывая коньяк прямо из чашки, забыв налить туда кофе. – И к тому же они здоровые. Не стал бы никто в санаторий, к морю, под солнце слишком уж больных детей присылать, да?

– Наверняка! – успокоила я главврача. Деваться было некуда.

– Старшая сестра санатория в отпуске, – сообщил мне Николай Васильевич делано-равнодушным тоном. – Врачи тоже все в отпуске. Даже стоматолог. Так что есть вы, Танечка. И я. И дети. Много-много диких детей с вожатыми-дрессировщиками. Вы не боитесь обезьян, Танечка?

– Нет, ну что вы, Николай Васильевич. Обезьян я совершенно не боюсь. Я, знаете ли, прямо сейчас даже саблезубых тигров не боюсь. Подумаешь – саблезубые тигры! Милые кисы по сравнению с ордой диких детей от семи до шестнадцати. Вот их я очень боюсь. А когда я боюсь – я делаю глупости. Я увольняюсь, Николай Васильевич. Не только из санатория, а вообще из железнодорожной больницы. Есть куда более милые и приятные, и – главное – безопасные рабочие места в нашем городе. Например, санитаркой в отделении буйных на Слободке.

Тут главный врач упал на колени и, воздев руки к потолку, стал просить меня остаться и обещать немислимые блага: жениться и всю заработную плату старшей медсестры санатория к тем двум ставкам, что мне уже кинули.

Я напомнила Николаю Васильевичу, что жениться он на мне не может, потому что давно и прочно женат, и даже его сын учится в мединституте парой курсов старше меня, а вот от денег... Я человек слабой воли – долго от денег отказываться не могу. Прикинув в уме, что к концу лета я стану богата, как Крез, и смогу себе купить сапоги в комиссионке на Гарибальди, я дрогнула. И недогнувшей рукой подняла Николая Васильевича за воротник, уложила его на кушетку в его собственной приёмной, а сама отправилась на ночное море. Поплывать, понырять, привести в порядок мысли и чувства... В конце концов, утро вечера мудренее. И не боги горшки обжигают. Дети – тоже люди. Главное – знать, с какой стороны к их клетке подходить, и внутрь без газового баллончика не соваться.

Неизбежное утро наступило. На неизбежность. И неизбежность обречённо ойкнула. И даже айкнула.

Сначала мне было нестрашно. Потому что страшно мне уже было ночью. Одна-единёшенька, ночью, под сенью громадного пустынного корпуса. Мой кабинет на первом этаже. Да, окна зарешечены. Да, я заперлась на ключ. Да, я посреди прекрасного-прекрасного одесского Фонтана... Жужжат какие-то ночные жучки. Летняя ночь спокойна и томна... Я уже даже дремлю... Задрёмываю...

Трах-бах-тарарах!!! Дум-дум-дум! Умц-умц-умц!

Что это?

Вскакиваю. И уже потом просыпаюсь.

А это всё сразу.

Трах-бах-тарарах – это стучат в двери. Причём в мои, а не в те, главные. Дум-дум-дум – это музыка несётся откуда-то слева от того самого туалета, а умц-умц-умц – это тарабанивший ещё и напевает себе под нос. Ему кажется, что напевает. А мне – что за дверью медведь.

– Есть кто живой? – орёт медведь из-за двери человеческим мужским голосом.

– Не совсем, – шепчу я с той стороны.

– В смысле? – медведь тоже отчего-то переходит на шёпот и перестаёт колотить и напевать. Хотя музыка слева тише не становится.

– В смысле, что я тут умираю от страха. Вы кто? Здание заперто. Вы вор?

– Я Шурик, – говорят мне с той стороны. Здание-то заперто, да только тут такое здание... Может, откроете дверь, разговаривать удобнее.

– Не открою. Я вас боюсь! – твёрдо заявляю я, с большим сомнением глядя на хлипкую филёночную дверку в свою медсестринскую обитель.

– Я не страшный. Я красивый, – чуть с обидой отвечает мне потусторонний Шурик. – Я просто тут в зале качаюсь. Я и пацаны. Мы все нормальные. Потом сауна-бассейн, всё как положено. А вас я видел, ещё когда только пришёл. Вы с этим потёртым ловеласом территорию осматривали. Вы медсестра, да?

– Я студентка медицинского института! – обиделась я на него и открыла дверь.

– И я – студент... Нет ума – иди в педин, нет стыда – иди в медин. Если нет ни тех, ни тех – поступайте в политех! На ФАВТе³ я учусь, в политехническом, – сказал Шурик. А следом добавил: – Я и так уже понял, что у вас хорошая фигура. Но если вам жарко, можете оставаться так. Мне, что правда, сложно будет тогда поддерживать беседу, поскольку вся кровь от головного мозга отправится туда, куда ей положено отправляться при виде... Ну, вот, уже! – Он так по-детски расстроился, а я обнаружила, что торчу у раскрытой двери исключительно и только в трусах.

– Эм-м-м... Извините, проходите! – бодро пролепетала я и поскакала на «домашнюю» сторону своего кабинета, чтобы надеть белый халат.

– Вот так значительно лучше! – успокоенно резюмировал Шурик, когда я вернулась спустя секунд десять. За которые он успел уже усесться, да не куда-нибудь, на кушетку или, там, в обшарпанное кресло под телевизором, а прямо-таки за мой стол, за мой медсестринский стол. – Ну, то есть я не хотел сказать, что прежде было хуже – напротив. Но когда вы в халате, я могу с вами разговаривать, не думая... Нет, то есть совсем-совсем об этом не думать я не могу, вы уж извините. Но когда вы одеты, я могу сосредоточиться на светской беседе, целью которой является ваше охмурение мною. Вот, – мой ночной внезапный гость так беззащитно, по-ребячески развёл руками, что сердиться на него не было никакой возможности. Я рассмеялась.

³ Факультет автоматике и вычислительной техники.

– Только не говорите мне, что вы уже влюблены или, не дай бог, любите кого-нибудь. В вашем возрасте ещё невозможно любить. Всё, что вы принимаете за любовь, не более чем влюблённость. Детская влюблённость. Вы ещё даже страсти не можете испытывать, потому что слишком молоды... – начал тараторить этот забавный Шурик, студент политеха. На студента вовсе не похожий. Тем более – на студента такого мудрёного факультета. Старше меня, навскидку, года на два-три – не больше. Он действительно был очень хорош собой, хотя на вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Хотя объективные каноны красоты, безусловно, имеют место быть. И он им соответствовал. У него были большие миндалевидные глаза в основном небесно-голубого цвета, но такие же изменчивые, как мои. Такие же изменчивые, как море. Брови вразлёт, чётко вырезанные губы, слегка обветренные, как у любого мальчишки, живущего у солёной воды. Широкие скулы и правильной формы уши. Густые тёмно-русые волосы, экстремально коротко стриженные, с небольшим таким вихрастым чубчиком, как у юного бычка. Гладкая загорелая кожа. И отличная фигура – именно такая, какая мне нравилась, нравится и, наверное, будет нравиться до самой моей глубокой старости, когда я, сидя на скамеечке, буду созерцать проходящих мимо мускулистых парней и получать исключительно чистое эстетическое удовольствие. Единственным его недостатком – внешним – была чрезмерная, пожалуй, массивность. Перестань он заниматься спортом, начни он лопать – и его разнесёт поперёк себя шире. Но тогда, слегка за полночь жарким летом 1988 года, он был прекрасен. И даже не потому что красив. Даже те, кому нравятся тощенькие пигмеи, нашли бы его совершенно обворожительным. Потому что от едва знакомого мне Шурика исходила мужская мощь – настоящая мужская мощь: спокойствие, безопасность. Не угроза. Было совершенно ясно, что этот мужчина – из тех самых, за которым на любую войну пойдёт любая собака, любая женщина будет есть у него с рук и жить с ним в любом сарае, в любой палатке. И так далее. Обычно это называют обаянием. Все – особенно все женщины – знают, что такое мужское обаяние. Но мало кто может словесно сформулировать определение. Вот и я не могу. А тогда – и подавно не могла. Видели фотографию Горького с Шляпиным? Горький сидит, слегка очумевший, и ему горько, как всегда. А Шляпин к нему прислонился головой из положения «стоя». Нежно-нежно, грустно-грустно, обаятельно-обаятельно. Вот Шурик обладал такой «шляпинкой». И тогда ночью – и всю историю наших последующих отношений. Я – горький, чуть суицидальный, всегда надрывный хулиган, пытающийся достучаться рогом до идеалов гуманизма, а Шурик – нежный-нежный, грустный-грустный, обаятельный-обаятельный. И сильный-сильный. Настолько сильный, что в идеалах гуманизма не нуждается. Истину не отстаивает – творит...

Конечно, той странной ночью ничего такого я не формулировала. Я сидела на скрипящем старом стуле у стола, а Шурик – напротив меня, за столом. Я была в белом халате поверх голого тела. А он – в боксёрке поверх голого торса. Мне было восемнадцать, ему – двадцать один, и мы болтали-болтали-болтали о всякой ерунде всю ночь, почти до рассвета. Не целовались, не обнимались. А то знаю я вас – фантазёров и фантазёрок! Просто говорили. И нам было беспричинно хорошо, как бывает лишь в молодости, или лишь в счастье, возраста не имущем.

Конечно же, он спросил, как меня зовут.

А музыка слева скоро умолкла, и оттуда донёсся требовательный женский крик:

– Шурик, ну где ты?!!

– Анжела, иди домой! Лёнчик, проводи! – рявкнул Шурик зычным басом в пространство.

– Сестра, – пояснил он. – Тоже склонна к полноте, и тоже вечно худеет-качается. А Лёнчик – инструктор. И арендатор, собственно, этого помещения у санатория под качалку. Вот. Так что дверь этого корпуса, конечно, на замке. С главного входа. А к нам – по лесенке с торца здания. А та, что около туалета, – она вообще никогда не запирается. Сквозная. Там у нас разные мужики бывают, сауны-бабы, все дела. Так что я, так сказать, с визитом. Представиться. И чтобы ты не боялась. А я ни с кем не встречаюсь. Вот, – он улыбнулся.

Тут по всем правилам ностальгических воспоминаний следует написать: «И я пропала...»

Но я не пропала.

Потому что была влюблена в кого-то там... Не помню... И потому что утром тут будут дети. А детей я боялась куда больше юности, любви, глупости, мужиков из качалки, баб из сауны и потёртого ловеласа Николая Васильевича. Детей я тогда боялась куда больше счастья. Потому что первым не доверяла, а во второе – не верила.

Поэтому мы всю ночь и болтали, в основном о моих страхах и моей недоверчивости.

Неизбежное утро наступило. На неизбежность. И неизбежность обречённо ойкнула. И даже айкнула.

После этой курсивной ремарки, скопированной из текста до лирического отступления, так и просится дочурка Марка Захарова из «Формулы любви» с истошными воплями:

– Едут!!! Едут!!! Едут!!!

Просится. По всем законам жанра. Но её не будет. Потому что я люблю нарушать законы жанра. Тем более что это не противоречит десяти заповедям и уголовно-процессуальному кодексу.

Выпроводив Шурика под утро, я выглянула на улицу. Территория нашего санатория-профилактория была девственно свежа. Никакие дети-монстры не бороздили её просторы, держа в скрюченных лапках останки ответственных за них взрослых. Южное утро. Шесть ноль-ноль. Я оббежала свою новую рабочую обитель. В административном корпусе никого. Пусто также в лечебных и спальнях корпусах. Только в столовой – вернее, на кухне – бурлила жизнь. Толстая тётка в белом колпаке и несколько ещё более юных, чем я, подопечных.

– Ты кто? – спросила меня тётка.

– Татьяна, – сказала я.

– Отлично. А я – Валентина Никитична. Чего опаздываешь, Танечка? Нехорошо! Завтрак в восемь утра. Иди, чисть картошку и протирай столы.

– Я медсестра, – уточнила я.

– Тьфу ты! Ну, прости. А я подумала, что ты студентка кулинарного училища. Вон их сколько у меня на практике, – махнула она мощной ручищей на стайку будущих валентин-никитичн. – Новая диет-сестра? – спросила она.

– Вроде нет, – неуверенно ответила я.

– Вроде – это вроде Володи. И на манер Кузьмы. Фамилия-то твоя как?

– Полякова.

– Ну, тогда смотри график на июль, Полякова, – она тыкнула на какую-то бумаженцию, висящую на стене.

О боги! Там кругом была моя фамилия. Похоже, диетическая тоже ушла в отпуск за свой счёт. А то и вообще уволилась.

– А что входит в обязанности диет-сестры? – испуганно спросила я у Валентины Никитичны, по дороге роясь в курсе пропедевтики внутренних болезней, сданном мною на отлично, и ничего там не обнаруживая.

– Да ничего особенного. Прийти перед подачей. Посмотреть. Попробовать.

– Ага. Оценить органолептические свойства и снять пробу, – пробормотала я, вспомнив какой-то параграф из не помню откуда, – и если я не умру или не обо... ну, там, расстройство желудка, сальмонеллез... Сегодня в меню есть яйца?! – истошно завопила я, вспомнив, что именно яйца – самые страшные рассадники сальмонеллеза. А консервы – ботулизма. А мясо полно коварных гельминтов и... Значит, на мне лежит ещё и эта огромная ответственность – отвечать за качество питания этих ужасных и без того полных всяческих опасностей детей.

– Яишенку хочешь? – сердобольно осведомилась уютная шеф-повар Валентина Никитична.

«Какая, к бесу, яишенка?! Меня прямо тут, того и гляди, стошнит от вселенского ужаса. Шутка ли? Отвечать за жизни посторонних мне малолетних ещё и здесь!»

– Ты чего такая бледная? – забеспокоилась Валентина, не слыша моих дум. – Не беременная, часом? Я так только рада, что тут в этом году детишки. А то лета не было, чтобы какая-нибудь практикантка от не в меру ретивого курортника не залетела! – вздохнула она.

– Нет... Не беременная... И яиц не хочу. Ни в каком виде. Я вообще есть не хочу, – я с отвращением смотрела, как одна из училищных девиц отрезала себе краюху хлеба величиной с Мадагаскар, отсекла от слезящегося бруска пласт сливочного масла толщиной в протектор альпинистского ботинка моего отца и, положив в второе на первое, завьюжила эту чудовищную конструкцию сахаром-песком. И с наслаждением откусила. Я была близка к обмороку. В сознании мне позволяла оставаться мысль, что если эта девица не скопытится к завтраку, то мне не надо будет пробовать хотя бы хлеб, масло и сахар.

– Может, она яишенку хочет? – прошептала я Валентине Никитичне, потыкав пальчиком в практикантку.

– Вот бегемот! Как только не треснет! Всё подряд метёт, как не в себя, – восхитилась шеф-повар, тоже далёкая от модельных параметров.

– А давайте, она всё пробовать и будет, а? – взмолилась я.

– Да она и так всё... пробует. Но не положено. Подпись твоя нужна. Тебе и пробу снимать. Приходи в семь сорок пять. Всё будет готово!

На трясущихся ногах я вернулась к себе.

«Если завтрак в восемь, то, значит, где-то ближе к еде их и подвезут! – подумала я, – то есть ещё полтора часа жизни у меня есть...»

И пошла разводить хлорку.

Если вы никогда не разводили порошковую хлорку, то вы ничего не знаете о жизни!

Я до того чудесного ясного летнего черноморского утра тоже ничего не знала о жизни, хотя и в операционной травматологии санитаркой работала, и мимо прибрежных общественных туалетов, откуда несло лизолом, прогуливалась. Ничего не знала, потому что никогда не разводила порошковую хлорку самостоятельно.

Даже если вы примете ванну с концентрированным доместосом, вы всё равно не узнаете, что такое порошковая хлорка. И тем более как себя чувствует разводящий порошковую хлорку.

Пока носоглотку, бронхи и лёгкие забивало ядовитыми парами, я вспоминала историю Первой мировой войны, во время которой впервые был применён иприт.

Пока у меня вытекали глаза...

Пока у меня облезала кожа...

Лучше вам этого не знать!

Единственный совет: если вы разводите порошковую хлорку, не верьте, что марлевая повязка или респиратор, а также очки и гидрокостюм спасут вас от отравляющего действия порошковой хлорки и химической реакции соединения её с H₂O. Только противогаз и ОЗК – общевоинской защитный костюм.

Но я справилась.

Потому что после посещения столовой-кухни я приняла решение не только не бояться детей, но и справиться с ними. Потому что русские не сдаются. Даже перед собственноручным разведением порошковой хлорки!

Зачем я её разводила?

Есть такое страшное словосочетание: «должностная инструкция». И вот по этой самой должностной инструкции в обязанности дежурной медсестры санаторно-курортного учреждения входило разведение порошковой хлорки. Даже если она сто лет не нужна, разводить её нужно каждые три дня. И клеить на бак с полученным раствором бумажку о том, что 08.07.1988 г. медсестра Т. Полякова развела это всё неизвестно для чего. Обычно в санаториях неизвестно – для чего. Но медсестра Полякова не только узнала для чего, но и хлебнула этого «чего» по самое это самое... Но я забегаю вперёд, простите.

Отдышавшись, отмывшись, отчесавшись и разлепив то, что у меня осталось от глаз, я снова вышла на территорию...

И сразу закрыла свои покрасневшие вампирские очи. Потому что яркое солнце. А под ярким солнцем из ярких автобусов выбегают бледные дети и орут, как умалишённые. Громче детей орут только их сопровождающие вожатые. Белый, как в прединфарктном состоянии, Николай Васильевич что-то тихо шепчет строгой тётке. А строгая тётка хмурит брови и зловеще молчит.

– Доброе утро! – брякнула я всем и, не дожидаясь ответных приветствий, убежала в столовую. Кажется, снимать пробы на кухне было безопаснее всего остального текущего событийного ряда.

Я выпила чаю, глядя, как кулинарные практикантки лихо расставляют тарелки с жидкой манной кашей, в которой торчат оплавленные куски сливочного масла. Разносят хлеб и варёные яйца. Блинчики с творогом и с вареньем, какао, чай и даже по крохотной мисочке черешни. Во всех яствах, исчезающих в глотках детишек, требующих и требующих добавки, мне чудились страшные токсины и микроорганизмы, могущие довести малолетних до цвинтера, а диетическую сестру в виде меня – до цугундера. Валентина Никитична погладила меня по голове, сказала, что всё будет хорошо.

– Только зря они им черешню выдали, – сказала мне шеф-повар. – Её тут и так завались по всей территории. Не собрали вовремя. А эти-то – не наши. Их, небось, от черешни с зелёными абрикосами не воротит ещё... Ох, следили бы за ними получше...

И я покрылась липким холодным потом. Поняв, чего добрая Валентина Никитична так остерегается.

– Ладно, пора начинать готовить обед. Не забудь прийти за пятнадцать минут, снять пробу. Тебе домой мясом или борщом? – спросила она, не замечая моего страха.

– Что? – я не поняла даже, о чём она.

– Кусок мяса домой отрезать или уже готового борща в банку налить? Старшая медсестра всегда продуктом брала. А Василичу в бидон наливаем уже готовенького. Тут кто как любит. Ты новенькая, вот и спрашиваю...

– Я не уйду домой. Здесь живу. Я так... Пробу сниму... – пяясь пробормотала я.

«Может, обойдётся?» – думала я, пока детишки, пожрав всё, что можно и нельзя, выходили из-за столов, икая.

«Может, они всё-таки не заметят огромной свисающей перезрелой черешни прямо у них над головами?» – успокаивала я себя, пока орда с гиканьем строилась в колонны, чтобы идти на море, успевая уже сейчас цапнуть своими грязными ручонками ягодку-другую-третью в

горсть. И проглотить её, судя по всему прямо с косточкой. Вожатые бились с детьми за порядок не на жизнь, а на смерть, но жизнь, как всем известно, всегда победит. Найдёт выход сотворить неизбежное. Особенно когда неизбежное болтается в неограниченных количествах прямо над головой и нагло напрашивается.

«Может, у них термоядерные желудки?!» – ликовала я ближе к ужину, опробовав и борщ, и котлеты, и запеканку, и солянку, и ещё кучу блюд. К слову, чтобы там ни говорили о советском общепите, – никогда позже, почти нигде, в самых изысканных дорогуших ресторациях даже иностранных городов, я не едала ничего более вкусного, чем стряпня Валентины Никитичны. Разве что ещё моя одесская бабушка так вкусно готовила. Из самых обыкновенных продуктов, безо всякой экзотики.

И вот когда уже отгремели барабаны, отдудел вечерний горн, а я, переделав кучу дел, положенных мне должностной инструкцией старшей, дежурной, физиотерапевтической и диетической медицинских сестёр санатория, еле волочила ноги в кабинет Николая Васильевича, возжаждавшего меня на кой-то ляд лицезреть, вожатая привела ко мне первого пациента. Вполне безболезненно обосравшегося во сне.

Через час их была уже толпа.

Через два – вся смена.

У кого-то была диарея. Понос, проще говоря. А у кого-то – наоборот – запор. Животы крутило у всех, включая вожатых из Киева, тоже жадных до одесской черешни.

– Но вы-то, вы-то! Взрослые люди!!! – орала я на таких же юниц и юнцов, как я сама. – Вы-то зачем столько съели?! Вы что, не знали, чем вам это грозит?!!

Детишкам был выдан месячный запас активированного угля и фуразолидона. Столько клизм я не ставила ещё никогда. Никогда больше (ни раньше, ни позже) я не видела такого количества непереваренной черешни в «соусе» из... Да!.. Из него. Я пять лет не могла на неё смотреть, и ещё десять после первых пяти – есть. Хотя бог свидетель – до лета 1988 года я так любила черешню!

Отпахав до утра по локоть в... Да!.. В нём. Перемыв все клизмы и тазы в той самой хлорке, которой ещё и не хватило (повторить подвиг с разведением мне было уже куда проще, потому что страшно только первый раз, а дорогу осилит идущий, а не ужасающийся), я побежала на кухню «снять пробу» с завтрака.

Валентина Никитична сочувственно покивала головой, выслушав мой рассказ о полуночных бдениях, сварила мне своего собственного вкуснейшего кофе, который её сестра таскала с кондитерской фабрики, и строго изрекла:

– Тебе надо поспать, детка!

И она была права. Я заходила на третьи сутки без сна. Надо было поспать. Я выпила ещё одну чашку крепкого кофе и, еле добравшись до своего кабинета, завалилась спать прямо на кушетку, где ночью перебивало доброе стадо пионеров. И я каждый раз протирала её хлоркой. По должностной инструкции. Потому и спокойно завалилась. Без подушки, без покрывала и не закрыв дверь.

Разбудили меня как того Штирлица. Ровно через двадцать минут.

Вчерашнюю ночь поноса сменил не менее чудесный день тепловых ударов. Детишки блевали морской водой, смешанной с запеканками Валентины Никитичны. Температурили. Их знобило. Детишки краснели на глазах. Детишки плакали. Детишки пукали. Детишки звали маму. Даже те, у которых её отродясь не было.

И я, восемнадцатилетняя дурында, вдруг перестала ненавидеть и бояться. Я внезапно поняла, что люблю их. Вредных, кричащих, противных, непослушных, обосранных, блюющих, пережарившихся сдуру на жарком южном предзенитном солнце, перекупавшихся в не самом тёплом в мире Чёрном море моём. Люблю не потому, что им плохо. Люблю не потому, что жалею. А потому что они живые. А я люблю любить живое.

Через неделю всё наладилось. Адаптация прошла. И моя. И детей. И к морю. И к солнцу. И ко мне.

А черешню и зелёные абрикосы они к тому времени уже по всей округе подъели. И я могла вздохнуть спокойно. Если бы не одно «но»: дети висли на мне, как собаки. (Виснувшие всегда и везде на мне собаки, включая обученных на поражение овчарок и алабаев, всегда мне нравились больше, честно говоря.) Кажется, они решили меня удочерить, эти чернобыльские «социально неблагополучные» дети. Им нравилось, что я не сюсюкаю, но и не ору. Что со мной можно поговорить «за жизнь», и я буду смеяться, если смешно, или говорить: «Глупость какая!» – если глупо.

Правда, Шурика они всё равно любили больше. Потому что он мог «на закорках» покатать. А мог и по шее дать. Несильно, для остратки. За то, что «шутки шутят» в торце, где не всегда нормальные дядьки с не всегда нормальными тётками парятся. Начало развала передела стремительно топало семимильными шагами.

Колоссальный акт доверия состоялся, когда мальчишка двенадцати лет показал то, что не показал ни водителю, ни мне. Шурику. Совершенно постороннему человеку. Не студенту-водителю. И не студентке-медсестре. Парню, ходившему в «торцовую качалку». Показал и наказал пересказать увиденное мне.

– Сказал: «Потому что, понимаешь, неудобно мне такой тёлке х... показывать. А что-то с этим делать надо!» – ржал Шурик. – Умный парнишка. На улице стоит. Ждёт твоего вердикта.

– Ну, пересказывай «тёлке», что там у мальчишки с х... – воткнула я руки в боки, сурово воззрившись на Шурика.

– Да чего там рассказывать. Я ему уже и так всё сказал.

– Что ты мог ему сказать, ты же в политехе учишься!

– Ну, я же всё-таки местами мальчик. Был. А сказал я ему, что на время х... переименовываем в писю и начинаем лечить фимоз. Только он у него уже не открывается, – печально вздохнул Шурик.

– Вот только самостоятельности твоей ещё не хватало! – наорала я на добрейшего Шурика, избранного в доверенные лица.

Паренька прооперировали в одесской железнодорожной больнице. При полном соучастии и одобрении Николая Васильевича. Были у нас за две смены и парочка аппендицитов, и несколько наложений швов. Я виртуозно освоила «коленную» десмургию⁴ и наложение мазевых накладок на что угодно – ушибы, порезы, фурункулы. И даже вскрытие абсцессов и карбункулов. С промыванием, с антибиотикотерапией... Не так страшны дети, как наша боязнь их. Люди. Просто люди, с обычной людской анатомией, обыкновенной людской физиологией и необыкновенной для взрослых уже людей животной жадностью ошибаться, проделывать работу над ошибками, и ещё раз ошибаться в другом примере... И ещё раз. И ещё раз.

Но это всё так. По мелочи...

Только однажды жарким летом 1988 года в нашем санатории-профилактории, временно перепрофилированном под пионерский лагерь, случилось настоящее ЧП. Мальчишки подрались. Мальчишки ведь всегда дерутся. Не так, конечно, жестоко, как девчонки, но всякое случается. Они, собственно говоря, даже не дрались, эти мальчишки. Они «фехтовали». На пал-

⁴ Десмургия – искусство наложения повязок.

ках. Шуточный бой превратился в серьёзную потасовку. Дети – они же всего лишь маленькие люди. И у них тоже частенько – куда чаще, чем хотелось бы, – случается классическое «слово за слово, х... по столу»... А на конце одной из палок гвоздь был. Длинный ржавый крепкий гвоздь. Вот один из мальчишек своего «спарринг-партнёра» этой палкой по голове и приложил. Тот и упал, как подкошенный. А через секунду встал.

- Ты как? – спросил испуганный своей неожиданной победой «враг».
- Да вроде ничего. Так, кровь немного, – потрогал себя пацан за волосы.
- Только ты вожатой не жалуйся!
- Что я, «крыса»? – возмутился раненый.

Русские не только не сдаются. Русские и своих никогда не сдают. Ну, или славяне. Не знаю я, кто этот мальчишка по национальности был. Он и сам не знал. Он детдомовский. Детдомовским не до национальностей. Быть бы живу.

В общем, до вечера так и ходил. И на пляж. И на обед. И на ужин. А вечером у него голова заболела. Его ко мне вожатая и привела. Загорелая такая красивая девочка. Тоже второй курс закончила. Киевского университета. Ей в Одессе море интересно было. И крепкие пацаны из качалки, что с торца здания главного корпуса. И к тому же как за мальчишками уследишь? Она только на полчаса отлучилась. Ну, на час. А он не сдаёт, откуда у него кровь на голове. Кровь – и ещё такое вот... Сами посмотрите...

Посмотрела.

А у мальчишки череп трепанирован. И оттуда крови, понятное дело, мало. Да и мозгового детрита немного... Но есть. Купался. Нырлял. Загорал. В сознании. Голова болит. Совсем немного.

Я «Скорую» немедленно вызвала. И на анамнез его раскрутила. Он и рассказал про драку. При вожатой ни за что бы не рассказал. Да её, считай, не было – она в обмороке валялась. Я ей трепанационное отверстие в парнишкином черепе продемонстрировала, поднеся лампу для наглядности, – она и рухнула кулем. Я намеренно, вы уж простите. Должна же девчонка была знать, во что могут вылиться полчаса-час отлучки от вверенных тебе питомцев. На будущее, так сказать.

Хорошее такое трепанационное отверстие. Обломки. Все дела. Пока «Скорая» ехала – я ему волосы остригла вокруг и зелёной помазала. А что я ещё могла сделать? С парнем треплюсь о том, об этом. Он в сознании. Адекватен. Ничего не нарушено. Тут и «Скорая» подошла. А в «Скорой» докторша молодая. Беременная. Рядом с вожатой и полегла. И что мне было делать? Тоже рядом ложиться? Или ещё одну «Скорую» вызывать? Время идёт... А если с ним сейчас что-то... Что я буду делать? Позвонила Николаю Васильевичу. Доложила, мол, так и так, покидаю пост. Сажусь в «Скорую» с мальчонкой и еду на Слободку, в детскую областную. Потому что тут, извините, трепанация черепа. Хорошая такая. Отверстие – сантиметра три на четыре в диаметре. И её, кажется, не зелёной лечат.

Николай Васильевич на том конце провода сам от ужаса зелёным свистком прикинулся и просипел фальцетом сдавленно:

– Езжай!

Ну, мы и поехали.

Родители киевской студентки на следующий же день в Одессе были. Пацану и лечение, и фрукты-овощи, и платиновую пластину – всё оплатили. Хорошие люди. Другие бы и того не сделали. Мальчик – сирота. Никто бы за него особо на их дочь в суды не подавал.

Жаркое было то лето 1988 года.

Жаркое, сложное и прекрасное. Лето, когда я впервые поняла, что судьба – не злодейка, и, наверное, не зря я поступила в медицинский институт, потому что нет более прекрасной профессии, чем врач. Вернее, есть: детский врач. Но я бы никогда... Потому что я всё ещё не люблю детей. Я люблю живых людей. Если маленький человек живой – я его люблю. Если из него вываливается непереваренная черешня, из пореза течёт кровь, – люблю. Если он говорит мне, что любит меня; ненавидит меня; хочет на мне жениться, несмотря на то что ему тринадцать, а мне – восемнадцать, – мне смешно. Но я люблю его за детскость, за искренность, за неистовство. Сейчас я уже знаю, что ему тридцать пять, а мне сорок, и мне не так смешно, как тогда. Но за тот мой смех, за ту яростную ненависть, с которой мне признавались в детской любви, – я люблю... Люблю за живость.

А о мёртвых помню.

Всё, что я любила в живом Шурике, и всё, что я помню о нём, уже мёртвом, я расскажу в другой книге. В романе «Коммуна». И о нём, и об Одессе, которой в который раз уже нет. О детстве и о детях, о юности – и о взрослении, об Одесском медицинском институте – и не только о нём. О двориках-переходиках... Вернее – не про то и не об этом. Хотя, кто знает... Наверное, о тех, кто любим и любит. Бойтся и бесстрашен. Не может простить – и снова и снова прощает. Ну, то есть опять о людях. О живых людях. И не расскажу, а напишу. И не правду, а художественную прозу. Посвящу Шурику. Полагаю, издатель не будет против такого посвящения. И даже размещения на первой полосе вёрстки фотографии этого замечательного молодого человека, навсегда оставшегося молодым – там, где цветут абрикосы. Там, где очередные дети обедают черешней. О нём, навсегда плывущем тёмной ночной водой нашего с ним Чёрного моря. О них, навсегда смеющихся. Навсегда сильных и слабых. Навсегда красивых и честных даже в выдумке. Навсегда оставшихся там, где они живы, где они дети, где они молоды. Они. И он. Там. В конце прошлого столетия. В прекрасном городе Одессе.

Шурика уже нет. Умер в 1997 году в реанимации одной из одесских больниц. Из-за несвоевременного оказания медицинской помощи. Из-за того, что юный дежурant, несвоевременно оказывая помощь, вдобавок перепутал последовательность (и дозы) введения коллоидных и кристаллоидных растворов... Из-за того, что во врачебную специальность (в вожатые, в мостостроители, в ветеринары, в..., в..., в...) попадают иногда те, кому там и близко не место – равнодушные.

Если, читая это, вы заплакали, то... – не стоит... Не стоит оплакивать мёртвых. Лучше прямо сейчас вытрите слёзы и поцелуйте своего ребёнка. Проверьте лоток своего кота. Или позвоните старому другу. Пока он жив. Это будет своевременное действие.

Теперь, когда поцеловали, проверили и позвонили, можете смело читать дальше эту книгу. Она – о живых и для живых. Как всё, что мы совершаем при жизни. Как жаркое лето 1988 года – моя радость, моя печаль и моё живое настоящее... Как всё, за что нас помнят, когда нас уже нет в этих двориках, переходиках, катакомбах, пляжах, садах и подвалах...

Подвальный

Давным-давно, когда солнце ещё не остыло и в конце апреля в Подмосковье не сыпал снег, я работала акушером-гинекологом в крупной многопрофильной больнице. Каждый, кто работал в подобного рода больницах, знает, что они оснащены совершенно невероятными магическими подвалами-переходами, подобных которым ни одна беллетристика соответствующих жанров родить не в силах. Хогвартс отдыхает, Гарри Поттер нервно курит волшебную палочку. И то, что киностудии ещё ни разу не арендовали больничные подвалы для съемок фильмов о Чистилище и прочих «новозаветных» кошмарах, – лишь упущение ассистентов режиссеров. Позор им на веки вечные! (*Прим. автора – литредактор написала на полях рукописи: «Есть ужастики с больничными подвалами – и много!» Ужастики – есть, а про Чистилище с больничными подвалами – нет!*)

Там и летним-то днём не очень уютно, а уж зимней ночью... Зимней ночью там гулко, зловеще и сыро. Кое-где глубокие и маслянистые лужи. Может, и не крови, но кто знает... Иногда неожиданно повисает свистящая прямо в левое ухо тишина или – напротив – внезапно включается с грохотом какой-нибудь шумный агрегат неясного предназначения. Мимо проносятся призраки, гремя каталками. Под сводами реют души убиенных младенцев, сошедших с ума анестезиологов и интернов, не убравших руки со спинки кровати по команде: «Разряд!» И даже забредает начмед-оборотень.

Если ты сумел выжить в подвале в первые три месяца интернатуры – ты будешь жить в этой больнице долго и счастливо, и даже подвальная парочка Люська-Витёк не утопит тебя в контейнере с манной кашей. Потому что ты уже гипоталамусом чувствуешь, что налево – морг, направо – главный корпус, а прямо лучше вообще не ходить. Только зигзагами. Потому что ты в белых мокалинах, а тут трубы текут. Хотя на бумаге все семьдесят километров отремонтированы, а на деле – у главврача новый дом, но ты не считаешь чужие деньги. Тебе некогда – ты несёшься в ургентную операционную на внутрибрюшное кровотечение. Потому что юный хирург жаждал крови, а во чреве, вишь, из анатомических образований ещё чего-то, кроме аппендикса и брюшины, оказалось. Яичники там ещё у женщин, да. На трубах подвешены. А трубы ремонтировать надо. Потому что – трубная беременность. Внематочная. А он вошел и испугался. И ты несёшься, задорно перепрыгивая через лужи, потому что ты – врач, а это – диагноз, даже если не призвание. И, кроме как тётеньку спасти, тебе ещё надо ногой в печень дать юному хирургу, чтобы учил матчасть про дефанс, крик Дугласа и прочую патогномичную симптоматику смежных специальностей.

Но сказание не об этом.

А о том, как уролог-эстет нёсся в обратном направлении – то есть из главного корпуса в родильный дом. Потому что третье кесарево на одной и той же живой женщине – это вам не два байта переслать. В ЦРБ⁵, где её последний раз ушивали, дубликатуру пузырно-маточной клетчатки натянули по самое не могу – вместо нижнего сегмента матки аж чуть ли не до ушей дотасили – на дно матки запузарили. Нет-нет, не ахайте. Сейчас всё лечится и ушивается. Делов-то. Можно и самим справиться, но пусть уж лучше уролог посмотрит. Всё спокойнее – и запись в истории родов за его подписью. Опять же, не одной бригаде во главе с хирургом-акушером ответ держать, если что.

В общем, ты стоишь весь такой. Основные этапы, естественно, уже выполнены. Младенец отдыхает в неонатологии. А ты, задумчиво взирая на катетер, торчащий из «оттуда» в «сюда», ждешь уролога... Суку! Потому что он уже хрен знает сколько по тому подвалу шарится, а миорелаксанты у анестезиолога, чай, не казённые.

⁵ ЦРБ – центральная районная больница.

И тут он является. Из предбанника тебе ручкой машет. Зрачки расширены – из-за операционного стола видать. Сам белый-белый. Губы – синие-синие. Руки трясутся. Какая операционная, он хоть бы чувств не лишился при виде крови. Ты ему спокойно так:

– Твою мать, Анатолий Иванович! Где ты ходишь, мил-человек?!

А он слóва в ответ вымолвить не может. Одними зубами отвечает:

– Вит-т-ёк. Вит-тёк. Вит-тёк... – Ну, думаю, пляски святого Витта начались мне вместо высококвалифицированной специализированной помощи.

– Что – Витёк? – уточняю.

– Вит-тёк. Вит-тёк. Вит-тёк. Там. Там-тарам. Там-тарам.

– Толик, ты вроде в алкоголизме не был замечен. В снобизме – да, было дело, испачкался. В материализме грубом – тоже известно. Даже в нонконформизме и эклектике, хотя последнюю, в соответствии с классиками, осуждаешь. В чём дело-то сейчас, скажи внятно? – быстро так интересуюсь, потому что у меня же рана, и я уже вся вспотела в фартуке, про анестезиолога молчу (и в его сторону не смотрю, достаточно того, что его взгляд покруче электрокоагулятора на мне дорожки узорные выжигает), он, кажется, последнюю ампулу «чего надо» из НЗ достал.

Тут, правда, я должна сделать отступление и поведать почтенным читателям о Витьке. Пара эта – Витёк и супруга его Люсильда – была нашим подвальным талисманом. Добродушные ребята с невыраженным слабоумием числились, в соответствии с записями в трудовых книжках, техническими работниками и были эдакими Шурами Балагановыми, ответственными за всё – подмести, мусор вынести, каталки, если кто где забыл, на законную стоянку перегнать. Все их любили, они ко всем неплохо относились. Были добродушны, открыты и обидчивы. Как дети. Или легкие дебилы. Каковыми, собственно, и являлись, безо всяких аллегорий.

Спецшколу закончили в своё время – не математическую, разумеется, а вспомогательную – да и жили себе не тужили, в маленькой однокомнатной квартирке, оставшейся от Витькиной бабушки. Как-то раз, правда, нехорошие менты хотели лишить их этой скромной недвижимости. Но наша начмед, не смотри что оборотень, разыскала ментов хороших – и урегулировала вопрос.

Ругались Витька с Люськой, как малолетки в песочнице из-за ведёрка. А когда они ругались – Витёк приходил бродить по подвалу. Санитарки выносили ему поесть и давали сигарет.

Но урологи, парившие в эмпириях своего главного корпуса, с персонажами этими колоритными, как правило, знакомы не были. Куда небожителям до нас, рыцарей без страха и царя в голове.

Так что, заплутав в неизвестной топографии подвала, Анатолий Иванович вышел к моргу. А там подземелье становилось ещё более тёмным и страшным, чем в других тёмных и страшных местах этого извилистого тоннеля. И не потому что морг. Хотя... может, и потому. Там вообще, куда ни глянь, всё страсть как креативно безо всяких специально обученных дизайнеров и творческих директоров: винтажные потёки, поставленная игра света и тени, техногенные скрипы и ворчания. Одним словом, готовые декорации для сцен из жизни морлоков, если кто надумает снять ремейк по Уэллсу.

Поправив очки в золотой оправе холёным урологическим пальчиком, Толик понял, что надо срочно идти или даже бежать в другую сторону, а тут ему из-за угла и говорят резко так, нервно:

– Где я ей, в пизду, кофточку с кружавчиками, как у Оксаны, возьму?!

Анатолий Иванович подпрыгнул и не побежал, а понёсся, не разбирая дороги. А за спиной дыхание и крики не отстают, а напротив – приближаются:

– Я вас знаю, дайте сигарету!!! – и за халат – цап! Тут у Толика в зобу дыхание и спёрло.

Но Витёк, он же не где-нибудь, а за роддомом числился. Так что дебил не дебил, а говорит он Толику человеческим миролюбивым голосом:

– Я вас знаю. Вы – доктор из главного корпуса. Если дадите мне сигарет, я вас в роддом отведу. Вам же туда? Сюда только те забредают, кому в роддом. Потому что если кто умер, так его с другой стороны подвозят на каталке, а вы – на своих ногах. Хотя тут, конечно, всякого можно насмотреться, особенно по ночам. У-у-у!!! – Тут Анатолий свет Иванович чуть вообще не ополоумел. Он же не знал, что Витёк – как ребёнок, и шутки детские про чёрный гроб на чёрных колёсиках у него, Витька, в фаворе.

Сигарет Толик ему дал. Сразу всю пачку. А кофточку Люське мы принесли. Даже несколько. И я принесла, и Оксана Георгиевна. И Толик принёс, да. Кофточку – и блок сигарет Витьку.

Витька потом даже промышлять пытался там, на развилке. Но все остальные такими нон-конформистами, как Толик, не оказались. А хирург Петров даже подзатыльник Витьку выписал. И прочитал лекцию о вреде курения. Ну, а наш анестезиолог хирургу Петрову поджопник – взамен, – потому что Подвального обижать нельзя, не в русском ментальном и тем более духовном поле такое вопиющее поведение хирурга Петрова.

Сказка о нелёгком докторском быте и особенно об отъявленных лентяях, имеющих в каждой профессии

А что такого? Длинное название?..

Братья и сёстры, вы, видно, не любите латиносов, как люблю их я. Такое читали – «*Невероятная и грустная история о простодушной Эрендире и её жестокосердной бабушке*»? Нет? Ну так идите и прочитайте! Маркес потому что. А потом прочитайте «*Бартлби и компания*» Энрике Вила-Матаса и перестаньте уже говорить: «*Мне Маркес как-то не очень...*» Потому что Маркес – гений.

Но мы сейчас не об этом! А о том, что...

...Давным-давно, когда мне было всё равно, «что пить, с кем жить, и время проноси-лось»... (Вот чёрт, это уже кто-то написал!) Нет-нет. Не стоит демонстрировать эрудицию. Я в курсе. Демонстрировать будете после того, как прочтёте Хуана Карлоса Онетти. А давным-давно я работала акушером-гинекологом. Много и долго, как та внучка жестокосердной бабушки – то есть круглосуточно и за гроши. Иногда я дежурила ответственным врачом, а иногда – и так. А когда и вообще не в свою смену приходила, потому что птицы пели громче, краски были ярче, начмеды – добрее, а люди ещё читали Маркеса.

Вот привязался...

И была в физиологическом родзале доктор-дежурант, известная всей округе своей невероятной ленью, весом, зашкаливающим за центнер, и тем, что была дочерью предыдущего начмеда.

Койка у неё в дежурке была персональная. Никто, кроме неё, лежать на той койке не мог, ибо тут же складывался пополам, как в гамаке. Сама же – назовём её Хуанита, раз уж пошла такая латинская пьянка, – как только приходила на дежурство, в ту самую койку и заваливалась, филейной частью немедля касаясь пола. Что не мешало ей тут же погружаться в объятия Морфея, ибо синдром нижней полой вены. Она засыпала даже сидя. Её было попытались перевести в доктора послеродового отделения, но там она засыпала сразу после второго завтрака – то есть по приходе на работу. Приходила – сразу чай вприкуску с бутербродами и глубокий сон. Уволить её не могли, потому что все любили бывшего начмеда. Талантливый, красивого и умного. На детях гениев природа отдыхает. Иногда этот отдых бывает вполне активный, но не в данном конкретном случае.

Хотя оперировать и роды принимать доченька была научена, но, в отличие от «безродных и наглых», типа вашей покорной слуги, ни в операционную, ни в родзал не рвалась. Вообще никуда не рвалась. Ей всё по фиг было. Ровным слоем.

И вот прихожу я как-то с утра пораньше на «свои» роды. Крадусь, чтобы Хуаниту не разбудить. Переделась, чин-чином, даму осмотрела, запись сделала, начмеду действующему позвонила ещё до того, как в роддом явилась, – комар глаза не начистит. Но коллегиальность у меня в крови – дежурный врач Хуанита, поэтому надо бы её разбудить, поднять и заставить принять участие в консилиуме. Потому что и её подпись в истории родов и прочих документах. Ну и – мало ли, кесарево – тоже понадобится её участие. Она, правда, всегда отбрехивалась и к интернам отсылала. Но, если надавить – шла. А интерны они, конечно, хороши. Молоды и горячи, но не всегда умеют даже зеркало толком держать, чего уж там об остальном. Так, бывало, вцепится интерн в зеркало мёртвой хваткой, как бультерьер в шарпея. Ты уже и по руке – шлёп! – а его судорогой свело. Один вообще чувств хотел лишиться, не выпуская зеркала из рук. Хорошо медсестра операционная перехватила. Потому что его, интерна, голова чугунная, а у женщины нижний маточный сегмент один. Да и гематомы всякие мало кого обрадуют – особенно врача, не говоря уже о женщине. Поэтому в случае форс-мажора хотелось всё-таки

на Хуаниту положиться, а не на молодо-зелено. На юных только асы могут полагаться, потому что асам всё равно, на кого полагаться, – на то они и асы, чтобы ни на кого не полагаться. А мне ещё надо было. Я только продвинутый пользователь была ещё, а вовсе не ас. Так что в ассистенты мне кого понадежнее надо было, если что.

Хуанита проснулась, несказанно – а как же! – обрадовалась. Смачно зевнула и говорит мне:

– Представляешь?!

– Нет, – отвечаю, – и представлять не хочу, если честно!

– Нет уж, ты представь! Потому что ты – буржуйская морда, хоть и безродная псина – на машинах легковых на работу свою жопу возишь, а я, как любая потомственная аристократка, – на общественном транспорте!

– И что? – продолжаю исполненный обоюдной доброжелательности диалог.

– А то! Чувствую – что-то мешает в районе междуножья!

А междуножье там было, надо признать, зело монолитно.

– И что? – прикидываюсь дальше невоспитанным пролетариатом, потому что разговоры могут надолго затянуться, а Хуаниту надо вытащить на осмотр любой ценой, а то потом распнут на пятиминутке.

– А то – мешает, страсть! Я еле-еле вылезла и еле-еле иду враскорячку. – Зрелище не для слабонервных, учитывая, что из одних Хуанитиных штанов можно было пошить одежды для десятка маисовых людей. Я, сдерживая смех и своё живое воображение, осведомляюсь:

– И?

– Еле дотащилась до роддома. Сняла штаны, а там...

– Что?! – уже всерьёз заинтригованная и чтобы побыстрее, спрашиваю я. А про себя думаю – неужто Хуанита там хрен силиконовый или ещё какой нужный предмет забыла.

– Что-что?! Трусы и колготы!

– Как?! – просто ухнула я, подавившись хохотом, но сделав вид, что от сочувствия. Думаю, неужто Хуанита трусы с колготами как-то не так натянула. Хотя, как не так-то их можно?

– А так! Когда пришла с работы в прошлый раз – штаны стянула и на спинку кресла забросила. Сегодня утром нацепила, как приличная, свежие. И сверху – брюки. Со спинки. И забыла совсем, что сняла-то тогда всё вместе. А вот эти, позавчерашние, – тут Хуанита тыкнула в меня комком, вытащенным из-под подушки, – в штанине застряли!

Тут я уже выскочила в коридор, потому что сил моих никаких больше не было сдерживаться.

– Что, и вам показала трусы с колготами? – сочувственно поинтересовалась акушерка.

– Угу! – я только и смогла выдавить из себя, трясясь мелкой хохотливой дрожью.

Девочка моя рожала нормально, но долго. В родзале народу было много. Предродовые были заняты, но спать с Хуанитой в одной дежурке было выше всех человеческих пределов. Не только моих. С ней вообще никто не спал в одном помещении. Потому что храп богатырский. И ещё. Она могла облиться околоплодными водами. И, зайдя в дежурку, снять пижамку размером с хороший парашют, встряхнуть её, невзирая на лица, и повесить сушиться на радиатор.

Вообще-то Хуанита была хорошая. Только мужика у неё не было, и ела она не в пример детям из субсахариальной Африки. Как не в себя ела. Однажды наша юная доктор-интерн Леночка по доброте душевной предложила Хуаните домой её подвезти. На «Оке». На заднем сиденье. Вот это было зрелище! Страшно. Душераздирающе. Куда там Маркесу с его Эрендирой.

Не едите после шести? Может, тогда не надо в 17.59 приходить омет из семи яиц, если в 17.58 вы расправились с большой пиццей на толстом корже. И специальность по велению сердца выбирайте, а не по запаху родительских стоп. Ну, и трусы с колготами снимайте отдельно от брюк.

Национальные особенности заживления

Давным-давно, когда из нанотехнологических кремов с липосомами был только рыбий жир, я работала в обсервационном отделении родильного дома. Туда поступали не только дамы с лазерной эпиляцией, но и лохматые во всех смыслах и местах цыганки. Они не только не знали результаты тестов на ВИЧ и РВ, не только как пишется отчество «Элиазаровна», не только многого чего другого, но и сколько им, родимым, лет и который нынче год от Рождества Христова. В принципе, никто толком не знает, сколько там лет от того Рождества – все календари условны. В принципе, никто из женщин толком не может озвучить свой биологический возраст – срабатывает эволюционный защитный механизм. Действительно, во многих знаниях многие печали, поэтому, как говорится, и Нагваль бы нам всем навстречу, но... Дело в том, что история родов – документ не столько и не только исторический и сатирический, сколько юридический. И если – тьфу-тьфу-тьфу! – там чего не так, то нам не по паспорту отвечать, а по всей строгости закона. А он, как известно, мало того что *dura lex*, так ещё и *sed lex*.

Поэтому, когда в один далеко не прекрасный день поступила к нам в обсервационное отделение родильного дома цыганка на вид лет шестидесяти, но в родах, то мы догадались, что внешность сей фемины обманчива, потому что во столько, на сколько она выглядит, – уже не рожают. А она – рожает. Честно попытались выяснить, сколько же ей на самом деле, но она не сознавалась. Говорила, то ли тридцать, то ли сорок – точнее уж и не припомнит. А паспорта нет. И роды какие по счёту – не знает, потому что считать умеет только до трёх или деньги, а роды не в деньгах измеряются, а в детях. А детей у неё больше трёх, но точнее она сказать не может, потому что дети – они тоже не деньги, а одни расходы. Особенно девочки, пока они воровать не научатся. Пардон, гадать. Вот так вот она про возраст и детей ничего и не вспомнила. Не говоря уж об абортах и прочих деталях акушерско-гинекологического анамнеза – это вообще мимо, за такие вопросы она так на нас посмотрела, как рублём подарила. Юбилейным. Фигурально, конечно. На вопрос о начале половой жизни так выпучилась на акушерку приёмного покоя, что нам всем стало страшно. И страшно весело. Хотя весёлого, надо признать, было не то чтобы мало, а не было совсем. У ромалы налицо – вернее, на другие места – были все признаки страдания внутриутробного плода: из неё подтекало что-то мутное и кровянистое, сердцебиение плода было приглушенное и брадикардия около ста ударов в минуту при норме до ста сорока – всё это не оставляло нам шансов. Хотя свидетель Бог, как мы не хотели идти в операционную. И не потому, что только что оттуда. И не потому, что она не обследована, и, значит, мы опять подвергаем себя риску инфицирования всем-всем-всем, где самым «безобидным» может оказаться гепатит С. И не потому, что лекарств и шовного материала – как обычно для века нанотехнологий – с гулькин хрен. А потому что ленивые мы, доктора-убийцы, и есть очень хочется. Но, назвался груздем – полезай в резиновые перчатки и хирургический халат.

Полезли. Оперируем. И понимаем...

Что по медицинским показаниям пришла пора экстирпации этой конкретной цыганской матки. Даже не надвлагалищной ампутации, а конкретной такой экстирпации со всем прилегающим и полагающимся.

Пришла пора. Не потому, что у нас задницы в мыле.

А потому что *status present*⁶ всех её женских внутренностей – просто мечта музея кафедры патологической анатомии с патологической гистологией. И кровотечение вдобавок. И не останавливается. Ни механически, ни медикаментозно, ни совокупно. Ни даже хирургически-духовными заклинаниями. Ничем.

⁶ *Status present* – состояние на данный момент времени (*лат.*).

Не буду утомлять вас хирургическими и анестезиологическими подробностями. Когда-то я очень сильно утомляла ими истории родов, журнал операционных протоколов, клинические разборы и министерские комиссии. В общем, состояние у пациентки было удовлетворительное. Пациентка была скорее жива, чем мертва. Что им, цыганам, делается, не считите за шовинизм, расизм и ещё за что-нибудь не считите. Считите за то, что резистентность, компенсаторные возможности организма и проч. у цыган – ого-го! Если и есть супернация, сверхнация, наднация – так это они самые, цыгане родимые.

Ребёнок нормальный. Даму нашу без возраста мы понаблюдали первые сутки в ОРИТ⁷ да и отправили в послеродовую палату. Установить около неё индивидуальный пост мы не могли. Этого не каждая платная дама с возрастом и паспортом удостаивается. Отправили – да и пошли себе отдыхать. Вы не поверите, но доктора иногда спят, справляют малую и большую нужды и даже уходят домой. Хотя с трудом вспоминают туда дорогу.

Доктору-ординатору, доктору-дежуранту и акушерке были даны чёткие указания. Впрочем, любой доктор знает, как вести вторые сутки послеоперационного периода, даже если он только-только вчера со школьной скамьи. То есть – из интернатуры. Но доктор, только пришедший на наш благословенный первый этаж обсервации, понятия не имел, что в сумках и тумбочках у цыган рекомендуется наводить шмон, простите за лагерный жаргон, но из песни слов не выкинешь. Полный шмон в присутствии понятых и понятливых санитарок с полной описью временно изымаемого имущества.

Юный доктор обход обошёл, ценные и ещё более ценные указания дал, акушерка назначения выполнила, да и пошли они по своим рабочим делам дальше. Чай, не одна женщина у них на этаже.

И вот спустя полчаса из палаты, где возлежала цыганка, раздался истошный стон, если вы понимаете, о чем я. То ли торфяные болота издают странный звук, то ли воеет собака Баскервилей. И вроде ещё не ночь, когда силы зла властвуют безраздельно, а белый рабочий день где-то в начале двадцать первого века. В коем есть ещё цыганские женщины в русских селеньях. Которым хочется есть. В принципе, странное состояние для вторых суток послеоперационного периода. Особенно в случае полостной операции с удалением органов, последующей гемотрансфузией и всем, что причитается.

Юный доктор и предположить не мог, что в пакете рядом с не самым свежим бельём были:

1. Батон белый – одна штука в целлофане.
2. Масло сливочное, растаявшее – 100 граммов в фольге.
3. Мёд гречишный – 300 граммов в стеклянной банке.

И уж точно никак он не мог предположить, что вместо положенного обезжиренного кефира и прочей, предписанной послеоперационным столом, щадящей пищи, дама во вторые сутки послеоперационного периода исхитрится всё это поглотить. Бессмысленно и беспощадно. Ухнув всё это в несчастный, паретический, безвольно повисший кишечник.

Всё отделение было на ушах. Включая дежурную смену, ответственного врача, начмеда, анестезиолога и хирурга из главного корпуса. В моей голове невесть откуда всплыл фрагмент учебника по ветеринарии – кишечные колики у парнокопытных.

Кое-как, совместными усилиями на этиологическом, патогенетическом и симптоматическом фронтах, нам удалось вернуть пациентку в состояние «скорее жив, чем мёртв». И мы опрометчиво успокоились после вечернего обхода.

А на утреннем обходе дамы неопределенного возраста в палате не обнаружилось. Убежала она без штанов в ночь холодную. Дежурную смену – младших и средних – чуть не рас-

⁷ ОРИТ – отделение реанимации и интенсивной терапии.

стреляли. Мы, врачи, уже морально подготовили погоны к срыву по пункту «материнская смертность», пусть она сто раз на дому, но история-то – у нас. И произошла, и написана. Прооперировали – жизнь спасли, после операции – кишечник спасли, а дома её кто спасёт? Барон-суперклизма?

Мы пообещали неонатологам, что за ребёнком кто-нибудь обязательно явится – цыгане всё-таки. А если не явится... Ну что ж, сын полка. Пора возобновлять давно забытую традицию. Чего у нас в роддоме, каши с молоком на цыганчонка не хватит? Хватит. Подрастёт – в завхозы определим. Или ответственным за добычу крови на станции переливания.

В общем, получили свой втык от начмеда и главврача, пару дней побоялись – да и расслабились. Жизнь многопрофильного лечебного учреждения слишком полна сюрпризов, чтобы оставалось время на пережёвывание уже переваренного.

Через пять дней неонатологи собрались переводить ребёнка в детскую больницу, поскольку никто на него прав не заявил. Мы, в свою очередь, понятия не имели, на кого выписывать справку о рождении, как вдруг в приёмном покое материализовалась наша Матрёна в сопровождении шумной толпы цыган. Она охала и ахала, хныкала и ныла. Дело в том, что ей было «некомфортно внутри». Это я позволила себе адаптировать её блиставшую русскими идиоматическими изысками речь. Послеоперационная рана выглядела прекрасно. «Собаки зализали». Куда делись шёлковые швы и кто их снял – следствию установить не удалось. А вот внутренние швы под оры и маты довелось санировать нам.

Вы полагаете, кто-то извинился? Вы полагаете, кто-то объяснился? Неправильно полагаете. Нас всех ещё раз вдуло начальство. А мы вырвали из мужа цыганки записку «Претензий не имеем. О последствиях предупреждены» в обмен на новорождённого. С этими было проще. Им хотя бы был нужен ребёнок.

Не устаю удивляться. Вот вроде бы физиологию одну на всех учим. А что цыгану, извините, до причинного места, то славянину или, там, еврею – гнойное септическое осложнение. Что уж говорить о немцах.

Шутки-шутками, а если порез или царапину полижет здоровый – в смысле здоровья – пёс, то заживает гораздо быстрее. Безо всяких повязок. На свежем воздухе. Лизоцим и аэрация.

Об урологии, о жизни и о любви

Давным-давно, когда кусок Кутузовского проспекта назывался проспектом Маршала Гречко – нет, ну, конечно, не так давно, хотя, когда я была совсем маленькая, Кунцево было дальней окраиной, – я работала в большой такой много-премногoproфильной больнице. Там был главный корпус с хирургами – сосудистыми, гастро– и общими, пульмонологами, травматологами, анестезиологами-реаниматологами, терапевтами всех мастей, патологоанатомами и... короче, заглянете в классификатор и шифры специальностей. Ещё там был роддом, детская больница, общежитие, статотдел, морг и поликлиника. Много-много подвалов, коридоров, лифтов – в общем, Толкиену немного нервно.

И случилось как-то раз в поликлинике ЧП. Чрезвычайное происшествие. На старую-пре-старую и до смерти доставшую не только пациентов, но и коллег урологессу накинудся озверевший пациент и нанёс ей лёгкое увечье прямо в правую руку. А для уролога-правши утрата работоспособности этой конечности ужасна. Особенно для уролога поликлиники. Потому что уролог-правша именно правой рукой пишет, и вообще пальцы этой самой руки куда только не сует. Но то обстоятельство, что она уже не могла писать, плюс возраст, зашкаливший за два пенсионных, позволило администрации со слезами радости отправить её на давно уже заслуженный отдых. Пациенту ничего не было, потому что как руководство, так и сотрудники больницы сочли чрезвычайным не само происшествие, а то обстоятельство, что на неё никто раньше не кинулся – такая она была доставучая и человеконелюбивая. Его пожурили строго. Ей – отступного небольшого дали, коллективно сбросившись. Сперва показали, конечно. И сказали, что дадут, если она на мужика в суд не будет подавать. Она при виде пачки дрогнула. И не подала, несмотря на титановую принципиальность, ранее демонстрируемую ею в отношении несчастного старичка (и не только), измождённого сбором справок и анализов для госпитализации. Он, бедолага, из области мотался каждый раз. И то одно у него просрочено на полчаса, то другое будет буквально завтра.

Отправили её, в общем, на пенсию, объявили тендер на кто больше даст главврачу – то есть на лучшего из лучших, – и стали ждать. Но главврач ждать может – ему-то, разлюбозному, легко команду дать, мол, а ну-ка, лентяи ужасные стационарные, а не отсидите ли вы в приказном порядке по две недели в поликлинике, пока я лучшего из лучших жду, потому что мне новая мебель в новый дом очень нужна. Со старой уже как-то не комильфо.

А кого отправят в поликлинику? Нет. Не тех, кто помоложе. А всех по очереди. Потому что заведующий урологическим отделением был строг, но справедлив. Теперь это такая редкость.

Ходить-то по очереди они ходили. Но врач стационара – это вам не с 9.00 до 17.00 – это и пациенты до-, пациенты после-; перевязки, цисто-, уретро– и прочие скопии, пункции через всё, операционная – ургентная и плановая. Круглосуточная мутотень. Так что они в поликлинике отсиживали – и к станку. Но круглосуточная мутотень она потому и круглосуточная, что пусть их, пациентов, в стационаре меньше, чем в поточной поликлинике, но зато они как родные. А поликлиника сродни работе плечевой проститутки. Клиентуры тьма, некогда вникать в индивидуальные особенности. Хай их дорогушие бабы из «Плазы» на Тверской, с эмгэушными дипломами, вникают. В поликлинике за день так накувыркаешься, что ни читать, ни писать, ни даже ходить не можешь. Тупо сидишь в родной ординаторской и смотришь в окно остеклённым глазом. А в голове – там, где должны быть мысли, – паровозный гудок.

Ну, чего я вам рассказываю – вы же сами в поликлиниках были. Пусть и с той стороны баррикад. Это же вам кажется – ужас! – очереди! – злобный персонал! – тупые врачи-убийцы! Это же вам кажется, что вы «на минуточку», «только спросить», «я тут у вас забыл уточнить» и «а где здесь уборная?». А он – врач – в это время должен обдумать диагноз, ну хотя бы предварительный. Ну, быть может, синдромальный. Он должен обмозговать, как вас дальше обследовать и в какое отверстие вам чего запихнуть. Он ещё должен всё это изложить связно, чтобы ни один главврач, начмед и прокурор не докопались. А тут вы: «Я забыл тут у вас, как пройти в туалет!» Ну, давайте-ка я вам, офисным моим (хотите – бухгалтерам, а хотите – хоть и сисадминам, не говоря уже о дизайнерах и копирайтерах с аналитиками – последним троим, что правда, тоже в ухо любят кричать, ну так и ответственности меньше, а зарплата больше), буду орать, хлопая дверью: «А где здесь регистратура?! А когда нарколог принимает?! Скажите, а это не вредно/полезно/вкусно/больно?! А вот у моей бабушки/дедушки/собаки/тёти... Вам государство/работодатель зарплату платит – извольте отработать! Вы же знали и всё равно в сантехники/маркетологи/редакторы пошли, так что теперь давайте-ка, как апостол...» Вот, кстати, апостолов, понимаешь, с рук кормили. А врачи, вишь, «взяточники». А что до «знали», так я, к примеру, писать люблю. Призвание такое. Врач, может, в детском саду ещё всем кошкам клизмы ставил. Ему, лечащему, как и мне, пишущему, на зарплату наплевать. Некоторое время. А потом, знаете ли, семья, дети, пить/есть хочется и ботинки новые тоже, потому что климат у нас не апостольский, мягко скажем. К тому же, к примеру, пишу я, сидя попой в уютном кресле. В прекрасном одиночестве. И никто не спрашивает:

– А где здесь Мариванна?! – зайдя в грязных валенках в ургентную операционную. И журналы глянцевого мне платят за одну колонку официальную заработную плату врача акушера-гинеколога высшей квалификационной категории плюс учёная степень доктора наук. А интернет-порталы – зарплату Димки, о котором наш сказ. Дмитрия Анатольевича, три года как закончившего интернатуру на тот момент, но всё ещё считающегося «молодым врачом». Такая же фигня ещё только с писателями бывает – у него уже борода поседела и волосы облетели, как с белых яблонь дым, а он всё ещё «начинающий литератор». А Димка хоть и был «молодой врач», да уже умел поболее иных пенсионных маразматиков. Потому что он почему Анатольевич? Потому что сын того самого Анатолия Ивановича, которого Витёк подвальный напугал.

Уметь-то он умел, да ничего особо шибко не имел. Ну, понятно, квартиру-машину ему папа купил. А Димка сдуру взял да и женился ещё. На дочке начмеда одного из самых богатых городских родильных домов. А там такое монтекки-капулетти было, что родители ничего отбирать, конечно, не стали. Но сказали – теперь сами себе на сигареты, раз такая любовь. А она тоже – «молодой врач». И вот на двоих у них на месяц как раз мой одноразовый гонорар из глянца, минус налоги. Аккурат на сигареты. Она даже курить бросила. Потому что забеременела. И стала требовать красной икры, белых ландышей и всего, к чему в отчем доме привыкла. А Димка как раз заявку на ралли «Париж – Дакар» написал. И, что характерно, писал уже несколько лет. А тут его! Приняли! По классу, естественно, «любители», но это же ещё одна мечта всей жизни. А тут – жена беременная, денег нет и всё такое. Мрачный он стал, куда там тучам с бесами. И его как раз в этот не самый светлый период жизни отправляют париться в поликлинику.

Парень он был, в принципе, спокойный. Как плюшевый медведь. Но после первого дня в поликлинике он даже до родимой ординаторской стационара дойти не мог. Медсестры с санитарками донесли. После того как нашатырём облили и коньяка, разжав зубы шпателем, всю бутылку влили.

Ну, день-два – путь тернист, но постижим – смог Димка врубиться в работу этого молоха, медсестру на писанину посадил, что значительно убыстрило процесс. Потому как он в режиме

надиктовывания стал работать. Пока он пальцем в заднице исследует, параллельно текст проговаривает. Тогда всякие разные печатные шаблоны только входили в моду и не особо приветствовались администрацией, и всю эту хрень: «Общее состояние удовлетворительное. Предъявляет жалобы на отсутствие уверенности в завтрашнем дне», – надо было вручную писать. Каждый раз. Димка молотком прибил к двери объяву – «Те, вашу маму и папу, кто на плановую госпитализацию – с 8.00 до 12.00. Те, у кого дело клиническое и жалобы – после». Потому что первых можно почти на автомате пропускать, а со вторыми думать надо, не отвлекаясь на: «Как пройти в библиотеку?!»

И вот, значит, Димка, не присаживаясь, одного за другим, потому что для плановой госпитализации в урологическое отделение нужно что? Пальцевое исследование простаты через куда? Ну, сами знаете. Пальцы у Димки были отнюдь не XXL размера, так как тут как раз не важен размер, а важна скорость, ловкость рук и никакого мошенничества. И параллельно медсестре диктует.

И тут дедок – божий одуванчик заглядывает в кабинет.

– Доктор, как...

– Раздевайтесь! – рявкает Дмитрий Анатольевич командным голосом врача-убийцы в третьем поколении. Хотя по жизни – милейший человек и голоса не повысит. Дедок тулуп снял и не угомонится никак:

– Доктор, а я хотел...

– Штаны спустить, лечь мордой вниз сюда! – как заправский комиссар, распоряжается Димка. Дед хлопнулся куда показали и руки даже за голову сложил. Димка своё дело сделал. Дед даже не ойкнул и не пикнул. Мужественный. На войне не такое наши Саввы Игнатьевичи терпели.

– Одевайтесь! – И стал Дмитрий Анатольевич медсестре надиктовывать чего надо. Но медсестры со стажем – опытные физиогномисты. Заподозрила. Впрочем, у неё карта деда в руках была, она, может, и так сообразила, прочитав. Димку перебила и спрашивает у молча одевающегося деда:

– Дед, а ты чего хотел-то?

– Да спросить я у вас хотел, где тут рентгенограммы расшифровывают, а вы сразу такое... – обидчиво пробормотал дед. Анатольевич выскочил в коридор и побежал курить. А медсестра деда успокоила, что, мол, даже для госпитализации в пульмонологию в вашем возрасте требуется такое вот исследование. Так что, считайте, одна очередь минус. Правда, именно очередь деда чуть не линчевала до состояния ургентной госпитализации по жизненным показаниям безо всяких обследований. Потому что он заходил «только спросить», а был целых десять минут, ещё и доктор после него куда-то убежал.

С другой стороны, всё лучше, чем прежняя урологесса с травмой руки, полученной при паршивом и медленном исполнении. Она с каждым пациентом беседу беседовала минут по сорок, потом тщательно и долго ковырялась в том самом «знаете где». Потом писала ещё это всё каллиграфическим почерком. Вот тот, из первых абзацев этой истории, дедуган, залюбившись мотаться третью неделю из области, чтобы госпитализироваться, и проткнул ей руку. Ручкой. Выдрал у неё и тыкнул прямо в руку.

Люди неувязанные. И психованные. И все хотят спросить: «Как?..» А ответ им неинтересен.

Потому что тот же Димка, к примеру, даже на отборочный тур ралли «Париж – Дакар» не поехал. Потому что жена беременная и ругалась. И что? Монтекки-капулетти помирились на почве внука. Всех золотом и серебром осыпали. Дмитрий Анатольевич – уже просто врач, а не молодой. Жена его тоже уже заведует отделением. Красивые, успешные, и глаз не оторвать от них. На публике. И целуются сладко, и щебечут ладно. Что там у неё в голове и организме – понятия не имею. А Димка, если вдруг экстренный вызов в выходной или на праздники – значит, в 90 % случаев из ста, он очередную бабу склеил и рассказывает ей где-нибудь в гостиничном номере, какая сука жена – убила мечту. Сам ты её убил. Сам. Ты к боженке пять лет стучался. Представляешь, как он разозлился, когда – на тебе, владей! – а ты ему: жена беременная. Не она виновата. А ты. А ведь каким ты парнем был! Да и сейчас бабы не могут пройти мимо красивой фигуры, мягкого голоса и умения расставлять в пространстве алгоритмы. А только это Воином не делает. Впрочем, дамы, это ваше дело, если вам по душе такие господа. Может, как тому деду, пригодится. Плюс-минус очередь.

История о надувательстве

Давным-давно, когда «Обитаемый остров» был всего лишь скромным романом Аркадия и Бориса Стругацких, а не диафильмом стоимостью в пожизненный бюджет безбедного проживания всех живых ветеранов ВОВ, врачи любили пошутить. Это теперь они серьёзные, как хмурая туча, потому что Лига защиты пациентов от лечения не дремлет, а только и ждёт, когда же незадачливый эскулап возьмёт да и надругается над честью и достоинством этого самого пациента, с особым цинизмом используя смертельные для психики словосочетания вроде: «Ну что же вы, батенька, так себя запустили?», «Вы бы ещё позже пришли. Причём сразу к патанатому!» и «Как можно было собственноручно засунуть стакан в задницу?!» Поэтому врачи нынче не шутят, а надувают щёки, изредка улыбаются (предварительно пройдя специальный курс обучения коммуникативным технологиям и получив заверенный министерской печатью сертификат) и всё больше молчат. Вслух ничего не говорят, не заглянув предварительно в пятнадцатитомник «Пособия словарных конструкций и фразеологических оборотов, разрешённых к употреблению в беседах с пациентами. Одобрено Минсоцздравом» и не позвонив своему адвокату с чужого телефона. Потому что скажешь пациенту: «Примите аспирин!» – так он тебе: «Какое такое примите?! Я на своих шестнадцати аршинах сижу и сидеть буду. А не будете покупать мне аспирин – отключим газ в газовой камере, а вам в кабинете, наоборот, подключим!»

Тогда же, когда я работала в большой многопрофильной больнице, размером с добрый уездный город, шутили, как последние дураки. И не только с пациентами, но и друг с другом. Подшучивали с особой жестокостью. Да так, что актёры театра, игравшие «про Ленина» и «про фашистов», могли лишь восхищённо присвистнуть. Или даже неодобрительно покачать головой. Такие это были нехорошие шутки.

Шутили все подряд. Особенно чувство юмора было гипертрофированно у врачей хирургических специальностей. Как своеобразная компенсаторная реакция на профессиональную вредность постоянно воздействующих на психику хирургов горя и печали окружающей пациентской среды.

И общие хирурги шутили, отбивая аутоперкуссию на вздутых ещё с бессонной ночи животах. Гастрохирурги частенько нервно смеялись, хватаясь за проекционные боли своих собственных язв. Торокальные сипло посмеивались. Оториноларингологи гнусаво хмыкали, пуская солнечные зайчики налобными зеркалами. Гулко хохотали травматологи, забавно жужжа дрелями. Интеллигентно хихикали нейрохирурги, наигрывая частушки на пилке Джигли. Взхлёб хохотали акушеры-гинекологи, выколачивая турецкий марш ложками акушерских щипцов. Ну и урологи, конечно, любили острые и хронические приколы.

Особенно над хорошенькими девицами-интернами, пороку не нюхавшими и теорию медицинскую специальную вовремя не изучавшими.

Женщина-уролог – она же почти как женщина-космонавт. В смысле – подготовка требуется соответствующая. И не только психологическая – ни в одной специальности не постигнешь такого разочарования в слегка преувеличенных обывательскими легендами мужских достоинствах, – а и самая что ни на есть теоретическая. То есть женщина-уролог, как и любой другой уролог, должна знать как минимум анатомию и физиологию не только женских, но и, в отличие от акушера-гинеколога, мужских гениталий. И не только гениталий. Но о высоких (точнее – вышерасположенных) материях – в следующий раз. И никакой феминизм, никакая борьба за равноправие полов не отменяют необходимость знания женщиной-урологом перечисленных дисциплин. Тем более если она уже не студентка, а врач-интерн, закончивший выс-

шее медицинское учебное заведение с красным дипломом. И интернатуру проходит не где-нибудь, а в урологическом отделении многопрофильной больницы, полном суровых скабрёзных мужиков в зелёных пижамах, белых халатах – и прочих мужиков с отовсюду торчащими катетерами и остальными мочеполовыми неприятностями.

И вот поступает один такой незащищенный Лигой пациент с предварительным диагнозом, подтверждение которого требует выполнения пневмоцистографии.

Всем читателям, даже далеким от медицины, как спектрограмма Солнца от массы ядра Земли, из названия ясно, что в таинственном этом исследовании присутствует воздух. Мы же все знаем довольно по латыни, чтоб эпитафии разбирать, да? Пушкин Александр Сергеевич? Нет?.. Ну и ладно.

Так вот «пневмо» это самое и означает воздух. Цисто – пузырь. В данном случае – мочевого. Графия – это то, что мужика будут фотографировать рентген-аппаратом. Стационарным. Рентген-«мыльницы» тогда в той замшелой урологии ещё не было.

В общем, дежурный врач ценные указания интерну-девушке дал и только было собрался в дежурку пиво допивать и рыбу доедать, как пришла в его, казалось бы, взрослую и умную голову мысль совершенно идиотская. Как будто он в дежурке пиво не с рыбой употреблял, а с самой что ни на есть водкой. И говорит он прекрасной девушке-интерну:

– Сейчас, Алёна Степановна, беззащитный пациент отправится в манипуляционную. Там Анечка сделает всё, что надо. А после вы, Алёна свет-Степановна, препроводите нашего пациента в рентген-кабинет, расположенный на другом этаже, чтобы он по дороге чувствовал себя защищённым и никаких нападков не страшился.

– Хорошо, Олег Владимирович! – бодро, демонстрируя готовность защищать пациента до последней капли донорской крови, отвечает прекрасная дева-интерн.

– Только, Алёнушка, полагаю, вы и сами знаете, но на всякий случай я вам напомним, – сделал многозначительную паузу этот коварный, казалось бы, умный человек, врач высшей квалификационной категории и так далее и тому подобное, чтобы придать значимости своим словам. Чтобы до Алёны Степановны дошло, как важно в точности исполнить то, что он ей сейчас «напомнит».

– Да, Олег Владимирович? – не выдержала не закалённая в медицинских капустниках юная дева, всем своим существом демонстрируя бездну ответственности за жизнь, здоровье и комфорт пациента.

– Вы же понимаете, Алёна Степановна, что пока этот, с позволения сказать, пациент, доберётся до рентген-кабинета, весь воздух из него того... выйдет. Поэтому вы, Алёна Степановна, – как бы не совсем праздная сопровождающая, а ещё и почти уже хирург, должный выполнить определённую процедуру. Весь путь вы просто-таки обязаны не только защищать пациента, но и крепко держать его какой вам будет удобно рукой за основание, простите, полового члена. Ничего не поделаешь. Вы свою специальность сами, смею надеяться, выбирали. Тут ещё и не такие цели и задачи встречаются, любезная Алёна Степановна, – трагически вздохнул этот без пяти минут доктор наук.

– А может, это?.. Перевязать? – спросила Алёна Степановна, несколько раз пристально взглянув в глаза Олега Владимировича. Впрочем, не обнаружив там ни тени, ни грана, ни кванта смешинки.

– Ну, как же перевязать, Алёна Степановна?! – искренне возмутился Олег Владимирович. – А некроз?! Вы, полагаю, слышали такое слово – «некроз»? Вы, вероятно, изучали, что он порой развивается молниеносно. Причём в большинстве своем молниеносное течение некроза обусловлено именно такой патологией, каковая предполагается у нашего беззащитного пациента! – для пушей убедительности Олег Владимирович чуть не затопал ногами, и руки его помимо воли стали нервно обшаривать карманы в поисках сигарет.

– Хорошо, хорошо!!! – испугалась Алёна Степановна. И, чуть помедлив, смущаясь, спросила: – А может, вы сами отведёте его на рентген, Олег Владимирович? Мне нетрудно, но как-то неловко. Я всё-таки женщина.

– Я всегда говорил Караиму, что женщинам в урологии не место, – обречённо резюмировал этот подлец. – Ладно, отведу. Вы же женщина, – передразнил он Алёну Степановну.

– Не надо! Я сама! – решительно встрепенулась Алёна Степановна, метнув в гендерную шовинистическую свинью высшей квалификационной категории испепеляющий взгляд.

– Вот и отлично! Это уже слова не девочки, но урологического мужа, Алёна Степановна! И я вам даже пока не буду говорить, каким незамысловатым образом, – тут он понизил голос, – Анечка его, пардон, «надувает».

Алёна Степановна стала законченно макового цвета, но в этот момент Анечка крикнула из манипуляционной:

– Готово!

Девушка-интерн решительно, широким шагом укладчицы шпал, двинулась в сторону манипуляционной. За ней на цыпочках, по-балетному аккуратно ступал Олег Владимирович, стараясь не расплескать переполнявшее его ржание.

Войдя, Алёна Степановна не менее решительно выдернула из коробки вроде салфеточной резиновую нестерильную перчатку, натянула её на себя и схватила ни в чём не повинного пациента за самое что ни на есть основание полового члена. Тот легонько взвыл. Анечка собралась было открыть рот и что-то произнести, но Олег Владимирович из-за спины Алёны Степановны так усиленно делал ей пассы руками и тарасил глаза, что решила на всякий случай промолчать.

– Пошли! – скомандовала Алёна Степановна мужику.

И они пошли. Вернее, Алёна пошла, а мужик засеменял, не в силах вымолвить ни слова.

Редкие больные, бороздящие просторы коридоров этим чудесным вечером, шарахались в разные стороны.

– Немедленно прекратите его увеличивать! – строго прикрикнула Алёна Степановна на пациента.

– Это не я. Он сам! – сквозь сжатые зубы процедил мужик.

– В отделении лифт не работает. Идите на пассажирский! – по-отечески прокричал ей вслед Олег Владимирович и, толкнув Анечку в манипуляционную, захлопнул за собой дверь и наконец-то загоготал.

Смеялся он, правда, недолго. Кто ж знал, что именно сегодня Караиму Антинохьевичу взбрѣдет в голову посетить отделение с неурочным визитом. Олег Владимирович и в страшном сне предположить не мог, что первое, что предстанет пред светлые академические очи за разверстыми дверьми лифта, будет красивая девочка-интерн Алёна Степановна, твердо сжимающая рукой в резиновой перчатке половой член постанывающего пациента Ивана Ивановича Иванова – водителя из автопарка.

– Я не против любви с первого взгляда! – сказало, наконец, светило своим фирменным густым баритоном. – Но я категорически против отношений врач – пациент в рабочее время, на рабочем месте и в публичной форме.

– Это не я. Она сама! – судорожно пискнул беззащитный пациент в свою защиту.

– Я вам всё объясню, Караим Антинохьевич! – заверила его интерн, не выпуская тем не менее из правой руки профессиональный долг.

– Извольте! Только давайте отойдѣм в сторонку, – предложил Караим.

И они отошли в сторонку – с десятков шагов к большому окну в уголке коридора. Впереди – нервно оглядывающийся, что было для него совсем нехарактерно, Караим. Позади – интерн и пациент, на жѣсткой и уже слегка побагровевшей сцепке.

– Ему, Караим Антинохьевич, назначена пневмоцистография. И я веду его в рентген-кабинет.

– А почему таким... э-э-э... макарон? – замычал обычно никогда не терявшийся в словах Караим.

– Чтобы из него воздух не вышел! – победоносно завершила Алёна, чуть не доведя легенду отечественной урологии до апоплексии.

Надо ли говорить, что следующую лекцию об анатомии и физиологии мужской мочеполовой системы интернам читал сам Караим, периодически совсем не академически восклицая:

– Неучи!!! Из вас что, моча произвольно вытекает?! А мозг через уши? А в проктологии не хотите? Там ещё интереснее! Учиться, учиться и ещё раз учиться, дебилы! И только тогда, может быть, вы рано или поздно станете специалистами такого же высочайшего класса, как Олег Владимирович, идиот престарелый!

– Караим Антинохьевич, можно вопрос? – смиренно подняла ручку Алёна Степановна в конце лекции.

– Можно, – сурово буркнул Караим.

– А какова методика выполнения пневмоцистографии? В смысле, каким образом мочевой пузырь заполняют воздухом?

– Все вон!!! – рявкнул внезапно побагровевший академик.

Интерны бросились из кабинета, сбивая друг друга в дверях.

Ещё долго помещение кафедры наполнилось эхом от шаляпинского хохота Караима.

Про болт

Давным-давно, когда некоторые из вас ещё ели жидкую кашу из бутылочки, я работала в большой такой многопрофильной больнице. О чём я вам только не рассказывала – и о подвалах, и об оперблоке. И о приёме, и об отделении урологии.

А вот о случае в отделении нейрохирургии – не рассказывала.

Так вот...

Жил-был на свете дядька. До сорока лет дожил – ничем таким особенным не хворал. Сопли, лёгкое похмелье – всё, как у всех.

И вдруг у него голова начала болеть. Он вроде никаким слишком уж интеллектуальным трудом не занимался – всё больше лопатой размахивал или стамеской. А голова начала болеть совершенно аристократически – с утра до ночи, а в тёмное время суток – вообще кранты. Боль ничем не купируется, от запахов и звуков тошнить начало, как беременную курсистку. Анамнез собрали – всё нормально. Не был, не привлекался, в рядах советской армии служил, но где-то ближе к кухне. Никаких травм. Никогда. Никаких боевых действий и близко. В рядах СА получил царапины только от засаленного тупого ножа в хлебрезке.

В общем, туда-сюда, анализы и, естественно, рентген.

А в черепе – болт. Где-то примерно рядом с мозжечком.

Первым сильно удивился рентгенолог. Переснял.

Болт!

Потом сильно удивился нейрохирург.

Вместе с рентгенологом сделали рентгеноскопию.

Болт. Как есть.

Стали его подробнее на предмет анамнеза пытаться. Нет в анамнезе никакого болта. До беспамятства не пил, в лужах крови не просыпался.

Заведующий нейрохирургией был дядька вдумчивый. Он этому болтоголовому говорит:

– Мамка у тебя есть?

– Ага.

– Ну, тащи её сюда.

Пришла мамка. Бодрая такая, годков шестидесяти плюс-минус.

Стали мамку пытаться, мол, что, где, когда...

– Да нет, – говорит мамка – всё нормально. Никаких травм. Даже рук и ног не ломал. Порядочные дети – те хоть с берёз падали или с великов, а этот – как заговорённый – ни разу ничего серьёзного, не считая клизмы после пяти банок варенья из грецких орехов. Хотя нет, постойте. Было один раз. Ну да! Вовка соседский ещё в ожоговом лежал, а у Лёшки что-то с глазом было – по сей день плохо видит. А мой пришёл, царапинку на затылке я ему зелёной помазала. Да и спать уложила. И всех делов. Говорю ж – заговорённый.

В общем, в детстве наш болтоголовый и компания соседских детишек в возрасте от шести до двенадцати лет что-то там взрывали в костре. И уж не знаю, в какой он рубашке родился, но через форамен окципиталис магнум – большое затылочное отверстие (можете у себя, прямо над шеей – сразу там, где голова у вас сзади начинается – пощупать) – ему этот болт в башку влетел и засел там. И через тридцать с лишним лет он впервые узнал о такой радости. За пределы СССР/СНГ не выезжал, с металлоискателями и пограничным рентгеном дела не имел.

Прооперировали. Выписали. Головные боли вроде прошли. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Точнее ничего не могу сказать, ибо я не нейрохирург. В голове, конечно, много «мёртвых» зон – это я помню. Только мне всё-таки интересно – почему никакой клиники не было в детстве, в подростковом возрасте – то есть в период интенсивного роста. Чего этот болт там «миграцию» начал аж под сорок? Тёмное это дело – человеческий организм. А вы: «Доктор, вы же должны знать, почему у меня вот так?» Да потому что!

P.S. Вот ещё что подумалось – а призывная комиссия что, только энурезом и плоскостопием интересуется, да?

Про сиськи

Давным-давно, когда груди Памеллы Андерсон ещё не были столь удручающе ненатуральными, я работала акушером-гинекологом в огромной многопрофильной больнице, где, к слову, было даже отделение пластической хирургии.

Отделение это предназначалось не столько для целей косметических и эстетических, сколько воссоздающих благообразие после форс-мажоров, случающихся на нашем скользком жизненном пути при отсутствии навыков обращения со спичками, умения тормозить двигателем на льду и наличия перманентного желания на большой скорости входить в закрытые русские повороты.

Но врачи, как вы помните, не все философы и не все подобны богам, поэтому едят, как обыкновенные люди, и, что характерно, на кассах у них почему-то требуют денег, хоть ты и предъявляешь феям супермаркетов удостоверение врача огромной многопрофильной больницы.

Ну, и пластические кудесники тоже хотели есть и даже одеваться, потому что в наших краях иногда температура вовсе не эдемская, а голым ходить – арестуют за нарушение общественного порядка. Поэтому они, эти пластические хирурги, делали сиськи, носы и даже губы.

Трансплантологи ещё круче хотели есть, особенно когда очередной законопроект и куча подзаконных актов накрыли медным тазом всяческие пересадки. Поэтому я не буду вам тут рассказывать, что в операционной трансплантологии, бывало, и панариции вскрывали, и даже уши доbermanам купировали.

Потому что мы тут о самом прекрасном. То есть о сиськах.

Желающие были всякие-разные. Однажды, например, пришла очень хорошенькая женщина-слоник. Из серии «пингвин – гвинпин – пингвин – гвинпин» – как её ни верти – кругленькая, хорошенькая, сил нет никаких. Жопа – корма океанического лайнера, сиськи – пятый номер. А муж ейный «хочет маленькие».

Уж как её кудесник-хирург уговаривал! Мол, ну разденьтесь догола! Она с радостью раздевалась. Мол, ну подойдите к зеркалу! Подходила. Ну, посмотрите! Пока – относительная гармония. А отрежь я вам сиськи, и чего? Ну, вот прикройте их руками, прикройте! Она, что правда, не прикрывала. Не потому, что эксгибиционистка, а потому что не прикрывались они руками ни в какую. В общем, даже за деньги не согласился. Посоветовал похудеть килограмм на пятьдесят, тогда, мол, и сиськи пройдут. Что дальше с дамой было – не знаю, врать не буду. Потому что история моя о другой пациентке.

Даме, прекрасной, что та Шэрон Стоун в молодости. Высокая, стройная, узкобедрая, широкоплечая, и сиськи, как положено – полуторный.

А она хотела, чтобы пятый. Ну ладно, хотя бы четвёртый.

Доктор только на третий согласился. Сказал, что больший апгрейд противоречит его чувству прекрасного. Противоречит настолько, что он бы и третий не делал, а прямо с этим вот прекрасным полуторным прямо в смотровой и полюбил бы. Но хозяин – барин. Натё вам, барышня, третий и валите уже отсель, потому что «с бабами на работе» – это не то же самое, что «бабы – работа». Валите на хрен. На чужой. Потому что мой встал на профилактику после того, как я вас познал в разрезе.

Барышня, к слову сказать, на передок по жизни была слаба. Мужем любима и небросаема, но лупил он её регулярно. Я лично мужика понять могу, потому что если ты являешься в пять часов утра, от тебя несёт односолодовым виски и дорогим мужским одеколоном, то мало кто поверит в версию о читальном зале библиотеки, в котором тебя по неосмотрительности запер подлец-вахтёр. К тому же знаю я эти читальные залы – сколько раз в Ленинке то цвето-

чек пыталась свистнуть, то рукопись какую – фиг. Там эти тётки – чистые церберы. Ну или я свистеть не умею. В общем, меня из залов читальных всегда выгоняли вовремя.

Извините, отвлеклась.

В общем, пошла наша красавица по жизни уже с третьим симпатичным номером, и жить бы ей спокойно, а она опять в библиотеку.

А после библиотеки – к хирургу. С одной перекошенной сиськой. Одна – стоячая такая, красивая. А вторая –дохлым лебедем на пруду колышется.

– Чего это такое? – вопрошает он.

– Да я из библиотеки вернулась в три часа ночи, а он взял и гимнастической палкой меня треснул ни за что, ни про что, не глядя куда! – рыдает красавица у доктора на мужественной, собственноручно безо всякой хирургии подкачанной волосатой груди.

Имплант у неё лопнул. Это же давным-давно. Не так всё совершенно ещё было в деле эстетической хирургии. Так что доктор силикон этот изо всех пазух и фасций выгребал. А силикон он, девушки, что? Канцероген. Это так, если вы не знали. Да и с соей не всё чисто... В общем – когда вас пластический хирург от чего-то отговаривает – прислушайтесь. Если он себя бабок на новое авто добровольно лишает, значит, это кому-нибудь нужно. Догадайтесь – кому.

Укрепление целомудрия

Когда врачи ещё могли безнаказанно издеваться над пациентами, вымогать колоссальные бабки и ездили все поголовно в булочную на «Бентли», я работала акушером-гинекологом много-много-многопрофильной больницы. Больница была клинической базой множества кафедр, как и любая мало-мальски пристойная больница. И на тучных нивах сего богоугодного (тогда) заведения паслось множество доцентов. Среди них были даже мало-мальски пристойные клиницисты. Опять же тогда. И вот однажды один из таких доцентов кафедры акушерства и гинекологии вошёл в ординаторскую и ненормальным голосом сказал:

– Она пришла в третий раз!!! – И закурил прямо в раскрытое окно.

– Опять?!! – хором спросили мы и жадно вдохнули дым. Что позволено Юрию Павловичу, не позволено простым смертным ординаторам, даже старшим. И не потому что он доцент, а потому что Клиницист. Доцентов много, а Юрий Павлович такой один.

– Прикиньте! – поднял он левую бровь, прикурив вторую длинную от первой короткой.

– Но...

– Да-да. И я снова спросил: «Зачем?!!»

– А она? – мы истекали любопытством.

– Смотрит на меня коровьими глазами и мычит: «Так надо, доктор!»

– А вы?

– Не надо! – говорю этой дуре. – Да и не из чего уже, милая вы моя.

– А она?

– Стесняется и краснеет. Маков цвет на закате, ёпт!

– А вы?

– Сказал, что только долгосрочную. А это куда дольше и стоит больше, потому что морока. И ещё сказал, что имею подозрение на непорядок у неё в голове и потому оперировать отказываюсь без заключения психиатра.

– А она?

– Справку мне от психиатрического консилиума в солидном составе из сумочки вытащила. Мол, нормальная на всю голову. Бланк Кащенко. Подписи – именитее некуда. Две печати.

– А вы?

– Столько заломил, думал, как ветром сдует!

– А она?

– Пачку мне от лучших дизайнеров дензнаков из сумочки вытащила.

– А вы?

– Я – человек слабой воли. Долго от денег отказываться не могу. Госпитализирую на хер! Ох, не завидую я тому джигиту, что будет таранить возведенный мной редут.

Юрий Павлович выкинул третий окурочок в окно на головы беспечных прохожан и покинул прокуренное не нами помещение ординаторской. Естественно, через две минуты материализовался начмед – и мы получили по самое не балуй за курение в ординаторской. В отместку мы потом пришли в дежурку гинекологии и накурили у Юрия Павловича так, что можно было вешать колун, топор, дрель, скальпель и прочие травматологические оперативные инструменты. Юрий Павлович несколько не был травмирован и чувствовал себя в этом дыму куда лучше, чем знаменитый ёжик в не менее знаменитом тумане. Даже лошадку не звал. У Юрия Павловича была такая хирургическая интуиция, что он куда более мелкие анатомиче-

ские образования в куда более плотных и тёмных средах находил. Гений оперативной гинекологии, ёпт!

Мы все под разной степени благовидности предложениями ходили в отдельную палату поглазеть на невысокую стильную пышку сильно за тридцать, третий раз выходящую замуж за очередное лицо не то кавказской, не то арабской национальности. (Первый неверный русский её не удовлетворил, и она решила быть верной мусульманам до последнего.) А потом – пару раз всей толпой в оперблок, дабы причаститься воочию таинству долгосрочной гименопластики.

Гименопластика – операция, проводимая с целью восстановления целостности девственной плевы. Кратковременная используется в том случае, когда необходимый результат требуется в течение ближайших 7—10 дней. В этом случае участки девственной плевы просто сшиваются между собой. Операция проводится как под местной, так и под общей анестезией. Полноценного заживления, как правило, не происходит, поэтому результат недолговечный. Долгосрочная гименопластика предполагает восстановление целостности девственной плевы за счёт тканей входа во влагалище. Эта операция более сложна по методике, но гарантирует восстановление целостности девственной плевы на неограниченный срок.

Хулиганы

Когда дорогие сердцам всего человечества россияне наивно полагали, что ещё чуть-чуть – и наступит золотой век рубля, платиновая эра стабильности и эпоха титановой уверенности в завтрашнем дне, ещё даже не подозревая, что их опять-таки, нае... дезинформировали, мы пили на кафедре анестезиологии и реанимации за чей-то день рождения. Задерживался, как обычно, уролог. Хотя его послали за жизненно необходимой водкой, без которой начинала ужасно страдать биохимия нашей крови. Там делов-то было – через дорогу перебежать в супер-маркет. Уролог был ещё молодой, неопытный. Другой бы – повзрослее – санитарку послал. А этот сам побежал. Причём по-глупому так побежал – дублёнку на халатик накиннул, шапку на уши натянул – и побёг. А до дороги надо было ещё скверик прибольничный миновать без приключений. В говно собачье не наступить – впрочем, зимой оно окаменело-мёрзлое, нестрашно. Не шлёпнуться на шприце, оставленном наркоманом. Пардон, пользователем инъекционных наркотиков. Не подвергнуться сексуальному насилию со стороны гогочущих жутко размалёванных старшеклассниц с отмоороженными окороками устрашающей окружности (доктор, надо признать, был не только юн, но и хорош собой, как греческий бог). В общем, в страшный путь мы его послали – и уже начинали нервничать. Двадцать минут как, а не идёт. Вдруг водку разбил и теперь боится?

Через полчаса мы не выдержали и делегировали хирурга и меня в приём, ненавязчиво разведать обстановку у дежурного, мол, где наш гонец, чёрт возьми его за конец!

А гонец в смотровой приёма как раз и держится за это самое. Да не за своё. А за детоделательный и мочеиспускательный орган весьма презентабельного на вид дяденьки.

Прям-таки античная картина: зрелый фавн соблазняет юного бога. И, видимо, для пущего эффекта вонзил прямо в «циклопье око» своего достоинства букет. Только цветочки повыпадали по дороге – одна проволочка торчит. Реальная такая проволока, коей цветочницы скручивают убогие головки в видимость роскошного букета.

– Дмитрий Анатольевич, что за ху... ситуйня? – водрузив на нос нацепочечные очки, вежливо спрашивает уролога хирург, а сам зрит в корень. Из которого проволока торчит.

– Да вот, – даёт Дмитрий Анатольевич развернутый исчерпывающий ответ.

– Водка где?

– В кармане дублёнки, Палмихалыч. А как это, – тычет Димка пальчиком в латексной перчатке в проволоку, – вынуть, Палмихалыч?

– А как засовывал, так и вынимай, – отвечает Палмихалыч и непринуждённо идёт к Димкиной дублёнке.

– Это не я, Палмихалыч!

– Уважаемый Павел Михайлович, – оживает «фавн» – и...

– Татьянюрна, – чинно представляюсь я.

– ...и вы, Татьяна Юрьевна, позвольте, я вам сейчас всё объясню. Любезнейший Дмитрий Анатольевич здесь ни при чём. Я прогуливался по парку, думая о своём. О жизни. О любви. И тут, понимаете, какая незадача, меня поймали хулиганы, окружили в кольцо, сняли, пардон, брюки и исподнее – и вот, засунули проволоку прямо, так сказать, туда, где вы это теперь и имеете возможность лицезреть. И убежали. Я огляделся, а парк-то прибольничный. А тут юноша прекрасный бежит, полы халата белого развеваются. «Это судьба!» – подумал я. И спросил, как мне разыскать уролога. А он и говорит: «Я уролог!» Представляете?!

– Нет! В смысле, представляем, ага. Судьба в квадрате. И вы, как порядочный человек, теперь должны на Димке жениться, – Палмихалыч скептически тыкает пальцем в переносье очков. – И, что характерно, Дмитрий Анатольевич и Татьяна Юрьевна, – обращается к нам

взрослый опытный хирург, – вежливые такие хулиганы. Ни царапинки, ни сучка, ни задоринки. Даже штанишки вернули, не попачкав...

– Да, мне повезло, – ни на секунду не покраснев, отвечает «фавн», механически поглаживая Димона по руке. Латексно так.

– Это вы юноше будете рассказывать, – кивает Палмихалыч на Димку. Тот, опомнившись, руку отдергивает. И тут же, на лекарском автомате, второй лапой мужицкий уд с торчащим металлом перехватывает. – Впрочем, чего мы, звери? Каждый своё удовольствие получает как умеет. А чего обратно-то не вынули, любезный?

– Так она там застряла почему-то. А там же изгибы, всё такое. Я знаю анатомию и физиологию мужской мочеполовой системы. Мне ложных ходов в мочеиспускательном канале и разрывов кавернозных тел не надо. Так что вы уж, пожалуйста, извлеките, – продолжает петь «грамотный фавн», с надеждой глядя на Палмихалыча.

– Сотка! – не заржавело за хирургом.

– Чего?

– Ну, не рублей же и не грамм.

– Я в смысле, долларов или евро?

– Ну, давай евро, не брезгливые.

Спасли, в общем, мужика, пострадавшего от «хулиганства». Сотку частично пропили всем коллективом. А над Димкой ещё полгода издевались, мол, ты его как через парк-то вёл, за штаны или как есть – за проволочку? Злился очень. Но не рассказывал.

Больше никогда!

Красноярской МУЗ ГKB № 20

Не так давно, когда я всё ещё работала врачом акушером-гинекологом, отечественные женщины отвоевали своё право мучить мужей не только на кухне, в постели и в ИКЕА, а ещё и в родильном зале. А мужья – они же пока всё больше мужчины. А мужчины у нас в стране большей частью какие? Пьющие? Нет! Мужчины у нас кто/что, лишний рот в семье/надиванная приставка к телевизору? Отнюдь! Все русские мужчины могучие, как Илья Муромец, вдумчивые, как Добрыня Никитич, и нежные, как Алёша Попович. И душа – по медицинскому «психо» – трепетная-трепетная, ранимая-ранимая. Не то что у баб – жестокая и безжалостная.

И вот одна такая жестокая и безжалостная баба притащилась на роды с божьим одуванчиком мужского пола под мышкой. Говорила она густым таким басом – даже не говорила, а вещала. А он – шептал драматическим тенором. Странная была парочка, ну да бумаги все в порядке, анализы-мазки и в кассу родильного дома за «партнёрские роды» внесено. Добро пожаловать и после не жалуйтесь!

Санитарка его, родимого, в пижаму и халатик нарядила, шапочку и маску выдала и по самые уши-глаза натянуть велела. А моющиеся тапочки у него с собой были. Правда, акушерка всё равно бахилы наказала надеть. И правильно. Иди, знай, когда там он эти моющиеся тапочки последний раз мыл. Бахилы не страшные выдали, а блатные – те, что сейчас в любом автомате при бассейнах за десять рублей купить можно, а в частных стоматологических кабинетах так просто у входа – забесплатно (всё в прайс работ по армированию ротовой полости входит). В общем, славный мужичонка, тихий и послушный.

У бабы – извините, тут это слово в позитивном контексте используется, потому что она была такая баба-баба: кровь с молоком, круп, как у тяжеловоза, таз, как у моделей скульпторов-монументалистов, – всё нормально развивалось. Сперва схватки лёгонькие были – так она только постанывала и своего партнёра subtilного давила, как Никита Кожемяка звериные шкуры. Он синел, и, казалось, вот-вот треснет по шву.

- Ты иди покури, родной! – ласково сказала ему санитарка.
- А можно? – спросил он тихо-тихо.
- На улице всё можно.
- Не пуцу-у-у! – завывла баба, и давай его ещё сильнее давить.

В общем, то да сё – и за собой его по родзалу она мотыляла, и стены им обстукивала, и на пояснице он ей ритмические рисунки выстукивал. Как-то он даже сознание потерял. У бабы схватка прошла, она его белую-белую рученьку из своей лапищи выпустила – он и упал, где стоял, даже не пискнул. Вторая акушерка ему давление измерила – 90/60 мм рт. ст. Нашатырь – под нос, по вене – глюкозу с аскорбинкой, в соседнюю предродовую пустующую уложили, отдохнуть. Даже свет выключили. Через час баба его оттуда выдернула и снова-здорово давай мучить.

- Как же ты её окучил-то, милый? – посочувствовала сердобольная санитарка, глядя как баба его за собой таскает, как воздушный шарик на ниточке.
- Ой, что вы понимаете?! – грозно рявкнула наша подопечная в ответ.
- Может, домой его отправим? – спросила меня акушерка.

– Иди, у роженицы спрашивай, – отмахнулась я. – Мне жизнь дороже.

Она и пошла. А та ей в ответ:

– Не пуцу-у-у!

Астеник-то наш совсем уже обалдевший от запахов, стука кардиотокографа и завываний своей жены. Буквально дар речи потерял (хотя и прежде он у него не сильно присутствовал). И цвет лица. Если сначала ещё что-то там спрашивал редко-редко своим томным голосочком с придыханиями и алел, как маков цвет, то ближе к потужному периоду совсем умолк и позеленел. А потом даже землистый стал. Санитарка ему лоток даже дала, если вдруг тошнить нестерпимо начнёт. Его. А баба тем временем:

– Бу-бу-бу! Бу-бу-бу-бу-бу! Бу-у-у-у-у-У-У-У-У-У!!!

И за собой таскает туда-сюда. Смешно, с одной стороны. С другой – жалко. А с третьей – хорошо, что в мужа бубнит и орёт, а не в нас. Мол, больше никогда и ни за что... Зря, по моему, бубнила. Он уже и сам никогда и ни за что. Потому что нечем уже. Всё она ему об стены нашего родильного зала отбила, судя по всему.

В общем, часов через восемь его мучений (у бабы-то всё как раз отлично – и динамика раскрытия, и продвижение подлежащей части и сердцебиение плода: как по каноническому акушерству положено) пошли мы на рахмановку укладываться. С этими уложениями-положениями у монументальных баб всегда тяжелее, чем у спортивных и тощеньких. Спортивные – сами как-то взлетают, почти без посторонней помощи – так только, руку для проформы подставить и объяснить, что на голову рождающегося не садиться, а на бочок – и сразу на спинку. Ножки – сюда и отталкиваться до упора, ручками – схватиться и тянуть на себя, как бурлаки баржу. Тощеньких – санитарка сама закинуть может. А вот монументальные... Всего у них богато и могуче, а нас в родзале только четверо, муж не в счёт. Тем более как только мы её на ложе водрузили, так и опять его не досчитались: прямо на кафель прилёг отдохнуть. Видимо, впервые при ярком-ярком свете наших больничных ламп свою бабу во всех деталях рассмотрел и был потрясён. Это нам-то не привыкать к обилию складок, пигментированных потёртостей и замшелых опрелостей. А может, лицезрением мокрого чубчика прорезающейся головки наследника был шокирован. Или просто совокупный избыток радостных событий – не знаю. В общем, лёг на кафель и лежит. Первая акушерка его аккуратно ногой подвинула – и к станку. Как-то не до него стало, потому что баба потугу передохнула, вдогонку надуться не успела, а голова уже прорезалась, а мамка его завывает: «НЕ-МОГУ-У-У-У!!!» Я Шаляпина, конечно, только на пластинках слушала. В старых записях, со скрипами и без акустики лучших оперных театров. Но, думаю, что вживую – он именно так и пел. Красиво. В общем, классика жанра: дуться не могу, а басом завывать про «не могу» – могу как с добрым утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.